

Андрей Поцелуев

Вилла
Мавританка

Пьеса

18+

Андрей Владимирович Поцелуев Вилла Мавританка. Пьеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65916203

SelfPub; 2021

Аннотация

В пьесе описан один день из жизни писателя Уильяма Сомерсета Моэма на его вилле Мавританка во Французской Ривьере.

Андрей Поцелуев

Вилла Мавританка. Пьеса

пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ, 61 год, писатель.

ФРЕДЕРИК МОЭМ, 69 лет, старший брат Уильяма, политик, будущий лорд Англии.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС, 69 лет, друг Уильяма, писатель.

ДЖЕРАЛЬД ХЭКСТОН, 43 года, секретарь Уильяма и любовник.

СЕСИЛ БИТОН, 31 год, фотограф, дизайнер.

МАРИ ЛОРЕНСЕН, 51 год, художник.

МАНУЭЛЬ САНЧЕС, 30 лет, танцор танго.

ОЛИВИЯ УИЛСОН, 25 лет, очаровательная блондинка, певица.

НИКОЛАЙ, 55 лет, бизнесмен.

БОРИС, 50 лет, друг Николая.

ЭРНЕСТ, 45 лет, дворецкий.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Вилла «Мавританка» (Французская Ривьера).

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

Наши дни и июль 1935 года.

Действие первое

Сцена 1

Наши дни. Вилла «Мавританка». Номер люкс. Большая гостиная, потолки под пять метров. Справа большой диван и два кресла, журнальный столик, книжные полки почти до потолка, слева обеденный стол и шесть стульев, в центре лестница зелёного цвета, ведущая на второй этаж. Пол выложен белыми и черными мраморными плитками. В центре комнаты камин. Французские окна открываются на

три террасы, окруженные лимонными и апельсиновыми деревьями. Видно, что комната довольно старая. Есть атрибуты современности: плоский телевизор на ножках, современные картины на стенах, светильники, барная стойка. Играет современная французская музыка. Появляются Николай и Борис. Они одеты в современную модную одежду. Николай поддерживает Бориса за локоть. Оба в медицинских масках.

НИКОЛАЙ (Борису). Проходи-проходи, долго ты до меня ехал.

БОРИС (вздыхая). Да уж, эта пандемия спутала все планы. Никуда не доедешь и не приедешь.

НИКОЛАЙ. Что же ты хотел – чума двадцать первого века. Надеюсь, скоро всё это закончится.

Садятся в кресла.

БОРИС. Хотя иногда носить маску удобно, так как никто не видит, сердиться ты под маской или смеешься. Особенно на переговорах.

НИКОЛАЙ. Наверняка будем говорить своим детям: «Вы не пережили Ковид-девятнадцать, вам не понять. Мы несколько месяцев сидели дома. Мы ездили на машине по пропуску. Мы боялись вирусов».

БОРИС. Во время карантина случались и хорошие вещи.

Я читал, что одна английская семейная пара решила переждать карантин в своем загородном доме и во время прополки сада обнаружила золотые монеты пятнадцатого-шестнадцатого веков. Среди них было несколько с инициалами жен короля Генриха Восьмого Анны Болейн и Джейн Сеймур.

НИКОЛАЙ. А как бизнес изменился! Курьер стал самой востребованной профессией. Зарабатывают больше айтишников. Так как все-таки тебя пропустили во Францию, если границы закрыты?

БОРИС. А у меня есть вид на жительство. Так что пропустили.

НИКОЛАЙ. У тебя тест на ковид отрицательный?

БОРИС. Я уже даже прививку сделал.

НИКОЛАЙ. «Пфайзер» или «Спутник Ви»?

БОРИС. «Пфайзер».

НИКОЛАЙ. Не патриот. А я «Спутник Ви». Тогда снимаем маски.

Оба одновременно снимают маски.

НИКОЛАЙ. Выпьешь чего-нибудь? Наверное, устал с дороги?

БОРИС. С удовольствием.

НИКОЛАЙ. Вино или коньяк?

БОРИС. Сегодня как-то холодно. Давай лучше коньяк.

НИКОЛАЙ. Французы сейчас почти не пьют коньяк про-

сто так. Только на дижестив. Я тебя угощу отличным коньяком. Такой коньяк в дьюти-фри не купишь. Каждая бутылка имеет свой номер.

Подходит к барной стойке и наливает два бокала коньяка. Один из них передает Борису. Оба выпивают.

БОРИС (*восторженно*). Да, действительно отличный коньяк. Сколько этой бутылке лет?

НИКОЛАЙ. Этой двадцать, но у меня есть и экземпляры постарше. Потом угощу тебя. Я тут нашел один магазинчик, где этот коньяк можно купить.

БОРИС (*оглядываясь по сторонам*). Да, шикарный номер. Давно ты здесь обитаешь?

НИКОЛАЙ. Почти всё лето. Мы с семьей арендуем этот номер на весь сезон уже третий год подряд. Просто в этом году проблемы с приездом. Я здесь, а семья в Москве. Работаю на удалёнке и отсюда руковожу бизнесом. Мне здесь всё нравится. Рядом Ницца, Монте-Карло. И летом нет такой жары, как в других местах на Лазурном берегу. Мыс Ферра, средиземноморские субтропики.

Ты, кстати, тоже можешь свободно забронировать здесь себе номер на Букинге. Вилла «Мореск».

БОРИС (*оживленно*). Да, а вот сейчас и попробуем. Неплохая у тебя удалёнка:
во Франции, в номере люкс, да еще с французским конья-

ком. *(Достает смартфон и начинает искать в Интернете виллу. Читает вслух.)* Да, действительно. Октябрь. Вилла «Мореск», одна неделя в номере «Элеганс» стоит полторы тысячи евро, а в номере «Делюкс» тысяча семьсот евро. *(Комментирует.)* Не так уж и дорого. *(Читает дальше.)* Вилла «Мореск» принимает гостей с июля две тысячи девятого года. Услуги: два бассейна, СПА и оздоровительный центр, первая линия пляжа, ресторан, во всех номерах чайник и кофеварка, бар, хороший завтрак включен. Средняя оценка гостей восемь целых, семь десятых баллов. *(Комментирует.)* Неплохо. А у тебя какой номер?

НИКОЛАЙ. У меня люкс, три спальни.

БОРИС. Ну, ты у нас крутой бизнесмен. Даже не буду смотреть, сколько такой номер в неделю стоит. А кому эта вилла принадлежала раньше? Уж очень дом красивый.

НИКОЛАЙ. А вот это самая интересная история. Был такой бельгийский король Леопольд Второй. Очень любвеобильный монарх. В конце девятнадцатого века он построил здесь свой дворец, а вокруг дворца четыре виллы. Три – для своих любовниц, а четвертую для своего личного духовника монсеньора Шарметона. Очевидно, чтобы свои грехи замалывать.

БОРИС. Очень разумное решение.

НИКОЛАЙ. Вот эта четвертая вилла была построена чуть позже первых трех, в мавританском стиле: с башенками, куполом, колоннами и минаретом. И в тысяча девятьсот

двадцать седьмом году эту виллу купил английский писатель Моэм и прожил здесь до самой смерти в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Он, конечно, перестроил ее, так сказать, под себя. Но мавританский стиль сохранил. Все гости звали эту виллу «Мавританка», хотя ее официальное название было вилла «Мореск» (*Встает с кресла и подходит к окну.*) Вот подойди сюда на минутку.

Борис подходит к Николаю. Тот слегка приобнимает его за плечо, смотрит в окно и показывает рукой.

Представь себе белый особняк с зелеными ставнями. Перед главным входом в дом красовался символ, защищающий от дурного глаза. К морю спускался большой сад с авокадо, апельсиновыми деревьями и африканскими лилиями. Бассейн был украшен головой фавна. Был теннисный корт и поле для игры в гольф. В холле виллы стояла статуя китайской богини милосердия Куан Чин. На третьем этаже было пять гостевых комнат и четыре ванных комнаты, еще две гостевые комнаты располагались этажом ниже. Стеклопанельная дверь в кабинет была расписана Гогеном. На стенах картины Тулуз-Лотрека, Писсарро, Ренуара, Гогена, Матисса, Пикассо. Над камином позолоченный деревянный орел. В общем, красота.

Оба отходят от окна и садятся опять в кресла.

БОРИС. А что здесь происходило в годы войны?

НИКОЛАЙ. Здесь побывали и немцы, и итальянцы. А с моря виллу обстреливал британский флот. Когда Моэм вернулся сюда после войны, дом был в ужасном состоянии. Многие окна выбиты, крыша пробита снарядами, стены «разукрашены» пулями, часть деревьев в саду обгорела, вино из подвалов выпито до последней бутылки.

БОРИС (*усмехаясь*). Ну ясное дело.

НИКОЛАЙ. Кстати, было еще две машины в гараже. Их тоже угнали. Но Моэм быстро отстроил дом и сад заново, и они стали так же великолепны, как до войны.

БОРИС. Откуда ты всё это знаешь?

НИКОЛАЙ (*делая большой глоток коньяка*). Я, когда стал здесь подолгу жить и узнал, что дом раньше принадлежал Моэму, волей-неволей стал читать его книги, прочел его автобиографию, историю дома и восхитился этим человеком.

БОРИС. И что же в нем такого восхитительного?

НИКОЛАЙ. Моэм был одним из самых читаемых и преуспевающих английских писателей двадцатого века. При том, что в десять лет остался круглым сиротой. Про таких говорят self-made man, «человек, который сделал себя сам». Он пример исключительной самодисциплины, не то что другие писатели.

БОРИС (*делая глоток*). Не скрою, я мало знаком с его

творчеством. Ну читал когда-то два-три романа. Он же был популярен в двадцатых-тридцатых годах прошлого века. Сейчас его почти никто не читает. Он, по-моему, хороший игрок второй категории писателей.

НИКОЛАЙ (*ходит по комнате*). И зря. Его произведения по-прежнему интересно читать. На меня большое впечатление произвела его книга «Подводя итоги». Это автобиографические заметки с рассуждениями о литературе, искусстве, жизни. Можно сказать, эстетический и философский манифест писателя. Возможно, самое лучшее и знаменитое его произведение. Почитай на досуге.

БОРИС (*улыбаясь*). Хорошо, постараюсь. Налей еще своего замечательного коньяка.

Николай наполняет бокал.

Но он же, кажется, был «голубым».

НИКОЛАЙ. Да, был гомосексуалистом, хотя и тщательно скрывал это. Кроме того, был заикой, не высок ростом, не силен физически, был застенчив и слаб здоровьем. Хотя и прожил девяносто один год. У него была долгая и в целом благополучная жизнь, отмеченная путешествиями, встречами, вниманием к людям и миру. Но знаешь, что больше всего в нем поражает?

БОРИС. Что же?

НИКОЛАЙ. Он был очень последовательным человеком

и верил в возможность выстраивать жизнь согласно намеченному плану. Еще в начале двадцатых годов он определил, какое количество произведений и в какой последовательности он напишет, прежде чем отойдет от дел. И в основном он выполнил свой план. Мне это очень близко, как бизнесмену. Он был мудр, в великие не рвался, но и не страдал от ложной скромности.

БОРИС. А я, кажется, видел его портрет. *(На несколько мгновений погружается в раздумья.)* Точно, в галерее Тейт в Лондоне.

НИКОЛАЙ. Да, правильно. Кстати, этот же художник написал и портрет Черчилля, который ему совсем не нравился. И, насколько я знаю, жена Черчилля после смерти супруга его сожгла. Ты знаешь, Моэм всего достиг сам. Его отличало упорство, целеустремленность, самодисциплина и профессиональное отношение к делу, которые преобладали над талантом. Ежедневная работа по четыре часа без выходных и праздников.

БОРИС. Уж очень он у тебя идеальный получается.

НИКОЛАЙ. Нет, конечно. Моэм был соткан из парадоксов и противоречий. С одной стороны, обаятелен, остроумен, заводил полезные знакомства. Джентльмен до мозга костей. Умел дружить, отличался щепетильностью и пунктуальностью. Свободно говорил на трех языках и почти свободно еще на двух. объездил весь мир, и часто ездил не туристом, а жил в стране по несколько месяцев и изучал язык.

БОРИС. А с другой?

НИКОЛАЙ. Скуп, жесток с издателями, торговался за каждый доллар, обижался на критику, молчалив, замкнут, погружен в себя, держал людей на расстоянии, циничен, зануда, ворчлив, груб, резок, и у него было много комплексов. Удивительно, сколько всего вместила его жизнь. Кем он только не был. Одиноким мальчишкой, в десять лет ставшим сиротой, студентом-медиком, который работал в больнице и принимал роды у бедняков, романистом и драматургом, богемным парижанином и лондонским светским львом, шофером кареты скорой помощи во время Первой мировой войны, британским шпионом в России, гомосексуалистом, хозяином роскошной виллы, где побывали все знаменитости своего времени, самым читаемым английским писателем и стариком, который в конце жизни хотел лишить наследства свою единственную дочь.

БОРИС. Пожалуй, всё искупилось его творчеством. А кому досталась вилла после смерти Моэма?

НИКОЛАЙ. Его дочери Лизе, которая через год продала её одному американцу. Он и перестроил виллу под отель, где номера бронируют туристы со всего света. Многие даже не знают, кому раньше принадлежал этот дом.

БОРИС. Интересный у нас разговор получился. О доме и писателе, который здесь жил. А не о бизнесе, как обычно, или женщинах.

НИКОЛАЙ. Это точно. И это хорошо. Наверное, мы с

тобой перешли на более высокий уровень общения. Стареем. Ты знаешь, какая здесь на вилле бурлила жизнь в период её расцвета, в тридцатые годы! Кого только не принимал в гостях Уильям.

БОРИС. Да, как было бы интересно перенестись туда на денек, в год так тридцать пятый...

Гаснет свет.

Сцена 2

Июль 1935 года. Вилла «Мавританка». Та же большая комната с гостиной и столовой и потолками под пять метров. Но без атрибутов современной жизни. Над зеленой лестницей, ведущей в кабинет, видна балконная дверь, расписанная Гогеном. На стенах картины французских экспрессионистов. Над камином позолоченный деревянный орел. Сбоку от дивана и кресел круглый стол, заваленный книгами. Из окон виден сад с апельсиновыми деревьями. Над диваном мавританский знак – символ дома. На стене часы, показывающие 8 утра. Играет музыка. Поет Лотта Леман, любимая певица Уильяма Сомерсета Моэма. Входит Уильям. Он одет в шелковую японскую пижаму и кимоно. Садится в кресло и читает журнал «Ланцет». Входит дворецкий Эрнест. Он одет в ливрею. Несет поднос с завтра-

ком. Ставит тарелку, приборы и кружку на стол.

ЭРНЕСТ (смотрит в сторону Моэма). Ваш завтрак, сэр. Как всегда, овсянка и чай со сливками.

УИЛЬЯМ. Спасибо, Эрнест. (Встает с кресла, идет к граммофону и выключает пластинку. Потом идет к обеденному столу.) Запишите, пожалуйста, меню на сегодняшний ужин и передайте его Аннет. (Садится за стол и надевает очки.)

ЭРНЕСТ (достает блокнот и готов записывать). Слушаю, сэр.

УИЛЬЯМ (диктует вслух). Суп с фрикадельками, утиное конфи, фуа-гра, гратен «Дофинуа», на десерт «Тарт Татен», мороженое с авокадо, пюре из крыжовника со взбитыми сливками. Шампанское «Пол Роже». Да, и пусть испечет печенье «Мадлен». Все гости его любят.

ЭРНЕСТ (убирает блокнот). Хорошо, сэр, я всё передам поварихе.

УИЛЬЯМ. И не забудьте, что у меня сегодня холодный обед с Гербертом Уэллсом. Только хамон и фрукты.

ЭРНЕСТ. Я помню, сэр.

УИЛЬЯМ. И принесите, пожалуйста, еще один прибор к завтраку. Возможно, Фредерик присоединится ко мне.

ЭРНЕСТ. Слушаюсь, сэр.

УИЛЬЯМ. Что остальные гости? Еще спят?

ЭРНЕСТ. Да, сэр, завтрак им будет подан в комнаты.

Эрнест уходит. Быстрым шагом входит Фредерик. Он одет в строгий костюм. Садится за стол к Уильяму.

УИЛЬЯМ (*приветливо*). Доброе утро, Фредерик.

ФРЕДЕРИК (*сдержанно*). Доброе утро, Уильям.

Эрнест приносит ему приборы и поднос с завтраком. Ставит всё на стол. Уильям и Фредерик завтракают.

УИЛЬЯМ. Как спалось?

ФРЕДЕРИК. Отвратительно.

УИЛЬЯМ. Наверное, все политики плохо спят.

ФРЕДЕРИК. Это почему же?

УИЛЬЯМ. Грехов много, а в храм не ходят.

ФРЕДЕРИК. И совсем не смешно.

УИЛЬЯМ. А я не хотел тебя рассмешить. Это констатация факта.

ФРЕДЕРИК. Скажи, пожалуйста, почему у тебя слуга в ливрее?

УИЛЬЯМ. Так красивее и торжественнее.

ФРЕДЕРИК. У тебя не сочетается овсянка и слуга в ливрее. Противоречие формы и содержания.

УИЛЬЯМ. Наоборот. Полезная пища подается в красивой упаковке. Простая пища вообще в моем вкусе. Ты думаешь, что ты ешь жидкую овсянку, а ведь это овсянка с кре-

мом «Забаглионе». Приготовить этот заварной крем просто и совсем не дёшево.

ФРЕДЕРИК. У тебя вообще слишком много слуг. Сколько у тебя садовников?

УИЛЬЯМ. Семь. Что делать, большое хозяйство требует много людей, которые за ним следят. Иногда мне бывает неловко, что одного старика обслуживают тринадцать человек.

ФРЕДЕРИК. Я не понимаю, как ты зарабатываешь столько денег на своих романах.

УИЛЬЯМ (*раздраженно*). Я считаю, что интеллектуальный труд – это высшая разновидность труда. Почему он не может хорошо оплачиваться? Во всяком случае, он должен приносить больший доход, чем, например, торговля. У нас в Англии почему-то существует мнение, что человек становится писателем, когда он ни на что не пригоден. Что писать книги не настоящая работа, и общество в какой-то степени даже считает это дело зазорным. В Англии я как писатель не бог весть какая персона. А вот во Франции и Германии литература – почетная профессия и ею занимаются с благословения родителей. Я даже сам слышал, как одна немецкая мать с гордостью сказала, что ее сын поэт. А во Франции родители богатой невесты хорошо отнесутся к ее браку с молодым писателем. Это уважаемый человек. Ты вот не ценишь мои литературные заслуги, а между тем в прошлом году в лондонском издательстве Хайнеманна вышло мое первое со-

брание сочинений. Ты мизантроп и скептик. Ты относишься к моему творчеству снисходительно и свысока.

ФРЕДЕРИК. Только прошу тебя не пиши сонеты, как Шекспир.

УИЛЬЯМ. Я как раз думаю об этом.

ФРЕДЕРИК. Я политик. И не люблю художников, писателей, поэтов и философов. Это сброд, подлый, завистливый, драчливый, неразборчивый в любви.

УИЛЬЯМ. Но этот, как ты говоришь, сброд создает нечто великое, сияющее, душу всего мира – искусство.

ФРЕДЕРИК. Ну ладно, не будем ссориться. Что ты сейчас пишешь?

УИЛЬЯМ. Роман. Кстати, я хотел подарить тебе свою последнюю книгу. «Шеппи». Это пьеса.

ФРЕДЕРИК. Это про собаку?

УИЛЬЯМ. Вообще-то, о парикмахере. И он мужчина.

ФРЕДЕРИК. Хорошо, давай. Будет что почитать по дороге в Лондон.

Уильям встает, берет книгу с круглого стола и передает ее Фредерику.

УИЛЬЯМ. Она, кстати, с дарственной надписью.

ФРЕДЕРИК (*берет в руки книгу, надевает очки и читает вслух*). Дорогой Елен от Уилли. Почему ты всегда подписываешь книги моей жене, а не мне? (*Снимает очки и кла-*

дет их на стол.)

УИЛЬЯМ. Мне кажется, так изящнее. Ну и, наверное, это не так важно. Вы же одна семья и библиотека общая. Какие новости из Туманного Альбиона?

ФРЕДЕРИК. Не очень хорошие. Британия давно уже не империя, а содружество наций. С тех пор как доминионы получили новые права, британские законы, за которые доминионы не голосовали, на их территории недействительны. Они получили возможность не просто принимать собственное законодательство, но и игнорировать те нормы британского права, которые считают не подходящими для себя. От бывшего величия остались одни воспоминания. Нас также вытравливают с традиционных рынков сбыта. В бюджете денег нет.

УИЛЬЯМ (*удивленно*). Да, странно. Богатство и помпезность высшего общества и королевского двора продолжают поражать воображение.

ФРЕДЕРИК. Подданные любят своих монархов и не жалеют денег на их содержание.

Входит Эрнест и убирает посуду со стола.

УИЛЬЯМ (*вздыхая*). Главная беда Англии – это снобизм. Что может быть на свете отвратительнее снобизма! Мне кажется, что снобизм сугубо британского происхождения. У нас оценивают человека не по личным качествам, а

по месту, ступеньке, которое он занимает в обществе. Тех, кто ниже, – можно презирать, а вот выше – надо относиться с уважением. И смысл жизни – подняться как можно выше по этим ступенькам. Снобизм – это предрассудок, творческим людям это тяжело дается.

ФРЕДЕРИК. Ты преувеличиваешь. Ты склонен приписывать положению человека в обществе слишком большое значение. Я думаю, что главная черта английского народа – это добродушие.

УИЛЬЯМ. Судя по газетам, политическая ситуация в Европе очень сложная. Фашизм и коммунизм наступают.

ФРЕДЕРИК. Ну, Англии коммунизм и фашизм не грозят. От каши, которую заварили в России, толку нет. Английские рабочие живут вполне себе неплохо. В мире всегда были и будут бедные и богатые. Это закон природы. А буржуазия у нас крепкая и чувствует себя вполне уверенно. Британия живет в удобной изоляции от континента, где бушуют страсти. Наша страна продемонстрировала удивительную стабильность, тогда как в Европе царят разброд и шатания. Впрочем, мы еще к тому же нация политиков и не можем совсем стоять в стороне от остального мира.

УИЛЬЯМ (*возбужденно*). Политики – худшие из людей. Политик никогда не бывает нормальным человеком, он вне нормы. Потому что обычный человек должен испытывать огромное количество сомнений, он зачастую не понимает, как ему жить дальше. А вот политик почему-то знает, как

жить всем остальным. У него такое политическое сознание. Я политиков терпеть не могу. Чтобы быть политиком, надо быть прежде всего циником.

ФРЕДЕРИК (*раздраженно*). Ну ты ведь не политик, ты сочинитель. Витаешь где-то в облаках. (*Меняет тон на немного торжественный.*) Современники очень редко, почти никогда, не бывают благодарны политикам за их свершения. Понять нашу роль в истории могут только потомки. Они очистят реальность от коры текущего момента.

УИЛЬЯМ. Знаешь, чего тебе не хватает, чтобы стать большим политиком? Обаяния. Ты не притягиваешь людей, ты сдержан, сух в общении, немногословен.

ФРЕДЕРИК (*скептически*). И что же такое обаяние? Научи меня, пожалуйста, ты же у нас великий писатель.

УИЛЬЯМ (*встает и ходит по комнате*). Это очень важная штука, особенно для политиков. Обаяние – это дружелюбная улыбка, протянутая рука, теплые нотки в голосе, сердечность в обращении, естественность, пронизательность. Ты должен понимать, как расположить к себе слушателей, где вставить нужные слова, какую меру красноречия выбрать в разных ситуациях. Вот что это такое. Но не переусердствуй. Люди с избытком обаяния вызывают у меня недоверие. (*Садится опять за стол.*)

ФРЕДЕРИК. Глупости. Я не могу каждый раз думать о таких вещах. Мне нужно просто выполнять свой долг перед Британией. Давай сменим тему. Как поживает твоя бывшая

супруга, Сири? Что ты ей, кстати, выплатил по решению суда при разводе?

УИЛЬЯМ. Очень много. Ежегодно две тысячи четыреста фунтов ей, дочери шестьсот фунтов. Я отдал ей дом в Челси на Кингз-роуд и роллс-ройс в придачу.

ФРЕДЕРИК. Роллс-ройс жалко.

УИЛЬЯМ. Я ненавижу свою бывшую жену. Меня сейчас больше беспокоит то, как она воспитывает нашу дочь Лизу. Ей ведь в этом году двадцать лет. Она внушает Лизе, что прилично можно жить только за чужой счет. Она прививает дочери мысль, что выгодный брак – вот основа благополучия женщины. Мне кажется, что её единственным развлечением является кино, а единственным бурным переживанием – дешевая распродажа в лондонских универмагах. Все плохое в моей дочери от матери. Она оказывает на Лизу дурное влияние, и Лиза никогда не проявляла интереса к тому, чтобы себя содержать.

ФРЕДЕРИК. Ну, ты, кажется, тоже не очень-то стремишься заниматься воспитанием дочери. Зачем ты тогда вообще женился.

УИЛЬЯМ. В наше время женитьба, к сожалению, является обязательным условием приличия. Одно время мне доставляло даже удовольствие представлять себя женатым человеком. Меня привлекало само положение. Оно казалось мне необходимым условием спокойного образа жизни. Ведь существует самая простая и самая совершенная форма су-

существования человека: человек рождается, женится, рождает детей, трудится ради куска хлеба и умирает. Лучше ничего не придумано.

ФРЕДЕРИК. Мужем ты, возможно, быть хотел, но никак не отцом.

УИЛЬЯМ. Горькая правда в том, что никакого брака не было, была бледная декорация, но даже она была для меня обременительна.

ФРЕДЕРИК. Ну, знаешь, брак – дело серьезное. На нем строится благополучие и прочность государства.

УИЛЬЯМ. Я терпеть не мог свою жену. Я подозреваю её в сплетнях и интригах против меня. Она доставляла мне сплошные неприятности. Она эгоистка, лгунья, истеричка, развратница. Сири не просто лгунья, она мифоманка, которая придумывала обо мне злобные истории и рассказывала их так убедительно, что окружающие были почти уверены в их реальности.

ФРЕДЕРИК. В какой-то мере Сири, безусловно, виновата, что вы расстались, но она не заслужила той ненависти, что ты к ней питаешь. У нее отменный вкус, огромная энергия. Она умна, обаятельна, великодушна, приятный собеседник. Модный дизайнер по интерьерам. Она начитана.

УИЛЬЯМ. Начитана?! Я однажды пришел домой раньше обычного и увидел на ее прикроватной тумбочке книгу. Вначале я подумал, и не без тщеславия, что она читает мою. Но оказалось, что нет. И знаешь, как называлась эта книга?

«Как правильно выбрать бриллианты».

ФРЕДЕРИК. Ну что же, это очень по-женски.

УИЛЬЯМ. Я прожил с Сири десять лет, и все эти годы были годами мук. Она была вроде делового партнера, который не выполняет условия контракта. Я ей все время объяснял, что мне часто надо путешествовать в поисках новых впечатлений, так как с нею я новых впечатлений не получаю. Но она не понимала этого.

ФРЕДЕРИК. Не надо говорить женщине такие вещи. Оскорбленное тщеславие способно привести женщину в бешенство. Большая часть мужчин требует от женщин достоинств, которых сами не имеют. Терпение в браке есть главная добродетель. Долгие годы супружеской жизни также убедили меня, что ради мира в семье последнее слово следует оставлять за женой.

УИЛЬЯМ. А как она транжирила деньги! Меня просто поражала ее расточительность. Она всегда считала, что тратить деньги на самое необходимое – это очень скучно, приятно тратить деньги на всякую роскошь. Она относится к тому типу женщин, для которых иметь тридцать пар туфель – значит жить в нищете. Она имела обыкновение использовать наш дом в Челси для показа различных образцов мебели и однажды продала даже мой письменный стол. Святая святых любого писателя! Я не переношу подобной бесцеремонности.

ФРЕДЕРИК. Ты ищешь в людях только дурное. Мне ка-

жется, ты вообще не любишь женщин.

УИЛЬЯМ. А за что их любить. Они в совершенстве владеют искусством пустой болтовни, которая у них именуется светской беседой. И очень любят обсуждать свои личные дела со всяким, кто согласится их слушать. Существа с изъясном. Не зря в Библии сказано: «Всякая хитрость ничтожна по сравнению с хитростью женщины».

ФРЕДЕРИК (*шумно встает из-за стола и бросает приборы*). Ну хватит, я не намерен слушать эти гадости о женщинах. (*Собирается уходить.*)

УИЛЬЯМ (*более примирительно*). Вы с женой придете на ужин вечером?

ФРЕДЕРИК (*раздраженно.*) Не знаю, посмотрим.

Фредерик уходит, забывая на столе свои очки. Уильям нервно ходит по комнате. Он выглядит раздосадованным. Звонит в колокольчик. Входит Эрнест.

УИЛЬЯМ. Эрнест, позовите, пожалуйста, Джеральда.

ЭРНЕСТ. Хорошо, сэр.

Входит Джеральд. Вид у него потрепанный. Одет небрежно. Голова немного повернута направо (последствия травмы шеи). Уильям старается обнять его, но Джеральд отстраняется.

ДЖЕРАЛЬД. Ты меня звал?

УИЛЬЯМ. Да, как ты себя чувствуешь, дорогой? Шея всё еще болит?

ДЖЕРАЛЬД. Сейчас гораздо лучше. Всё хорошо.

УИЛЬЯМ. Ты какой-то грустный с утра.

ДЖЕРАЛЬД (*раздраженно*). Я устал быть твоим секретарем. Я достоин гораздо большего. Мне надоело мириться с ролью прислужника и находиться в тени твоей знаменитости. Я терпеть не могу быть в услужении, а работу, которую я для тебя выполняю, считаю недостойной себя.

УИЛЬЯМ (*улыбаясь*). Да, я не спорю. Но пока я не нашел достойного применения (*говорит с сарказмом*) твоим многочисленным талантам, поработай у меня еще моим секретарем, пожалуйста. Какие у меня сегодня встречи, милый?

ДЖЕРАЛЬД. Не называй меня милым.

УИЛЬЯМ. Хорошо, извини.

ДЖЕРАЛЬД. В двенадцать сорок пять у тебя фотосъемка с Сесилом Битоном. Вы вчера с ним об этом договаривались.

УИЛЬЯМ. Да, помню. Хотя у меня нет никакого желания фотографироваться. Надеюсь, это будет недолго.

ДЖЕРАЛЬД. Далее, в тринадцать пятнадцать обед с Гербертом Уэлсом.

УИЛЬЯМ. Мой дорогой друг. Я буду рад его видеть.

ДЖЕРАЛЬД. После дневного отдыха, в шестнадцать ноль-ноль придет Мари Лоренсен. Она хотела взглянуть, как поживают ее картины.

УИЛЬЯМ. Странно. Почему только она хочет это сделать?! Ни Матисс, ни Пикассо не хотят взглянуть на свои картины.

ДЖЕРАЛЬД. Я подготовил о ней небольшую справку для тебя.

Передает Уильяму листок бумаги.

УИЛЬЯМ. Это очень любезно с твоей стороны. (*Садится в кресло. Читает вслух.*) Модная портретистка, стиль ардеко, женские портреты, эскизы костюмов, книжная графика. Любимый художник – Боттичелли. В этом году награждена орденом Почетного легиона. (*Комментирует.*) Французы раздают орден Почетного легиона направо и налево.

ДЖЕРАЛЬД. В двадцать часов ужин в саду, гонг к переодеванию в девятнадцать тридцать.

УИЛЬЯМ. Спасибо. У меня к тебе будет еще одна просьба.

ДЖЕРАЛЬД. Слушаю.

УИЛЬЯМ. Развлеки гостей после обеда. Пригласи Сесила и Оливию. Организуй прогулку на яхте, поиграйте в теннис, угости их своими знаменитыми коктейлями. Ну ты понял. Можете Уэллса с собой прихватить.

ДЖЕРАЛЬД. Этого неразборчивого ловеласа?

УИЛЬЯМ. Не говори так о моем друге.

ДЖЕРАЛЬД (*нехотя*). Ну хорошо, я позабочусь о них.

УИЛЬЯМ (*игриво*). Только не вздумай приставать к блондинке, я буду ревновать.

ДЖЕРАЛЬД (*говорит в зал*). Нет проблем, она меня не интересуется. Сесил поинтереснее будет.

УИЛЬЯМ. И не напивайся, пожалуйста, сегодня вечером. Будет неудобно перед гостями. Последний раз ты напился до чертиков. Ты теперь ближе к бутылке, чем ко мне. А я не могу тратить годы жизни на то, чтобы быть сиделкой и сторожем при запойном пьянице.

ДЖЕРАЛЬД. Об этом можешь не беспокоиться.

УИЛЬЯМ. Надеюсь на это.

Подходит ближе к Джеральду и берет его за руку.

УИЛЬЯМ (*нежно*). Ты меня совсем забыл. В гости не приходишь. Твоя страсть ко мне исчезла?

ДЖЕРАЛЬД. Я еще не совсем здоров, да и дел всяких много с изданием твоих книг. Тем не менее ты мне еще не безразличен.

Неожиданно входит Фредерик и смотрит на них с явным раздражением.

ФРЕДЕРИК. Я забыл здесь свои очки.

Джеральд сразу уходит.

ФРЕДЕРИК (*гневно*). Я тебя прошу, прекрати эти безобразия. Ты помнишь эту ужасную историю с Оскаром Уайльдом? Твой Джеральд пьяница, наркоман, развратник и бездельник. Хотя и обаятельный.

УИЛЬЯМ. Что я такого сделал? Я только взял его за руку.

ФРЕДЕРИК. Прекрати. Ты отлично понимаешь, что я имел в виду. Сейчас английское законодательство в этом плане самое строгое в Европе.

УИЛЬЯМ. Знаешь, в жизни есть две хорошие вещи. Это свобода мысли и свобода действий. Во Франции ты пользуешься свободой действий, а в Германии – свободой мысли. Но в Англии вы лишены и того и другого. Вы придавлены грузом условностей, вы не можете вести себя как хотите. Англия – страна обязанностей, которые мне не хочется выполнять, и ответственности, которая меня тяготит. Чтобы почувствовать себя свободным, мне нужно было отдалиться от родины, хотя бы на ширину Ла-Манша.

ФРЕДЕРИК. Вот почему ты уехал из Англии...

УИЛЬЯМ. Мне кажется, что человек может делать всё, что ему нравится, если это не доставляет проблем и неприятности другим.

ФРЕДЕРИК (*уже более спокойно*). И всё-таки прошу тебя, будь крайне осторожен.

УИЛЬЯМ. Я буду осторожнее. Я хочу поменяться, но не

могу. Я всегда думал, что я на три четверти нормальный, а на одну четверть не такой, как все. А оказалось всё наоборот. Может, вы с женой все-таки поужинаете с нами вечером?

ФРЕДЕРИК. Сейчас уже точно нет. Вдруг там еще будут эти... Мы с женой немедленно уезжаем. И, пожалуйста, не общайся с моим сыном Робинот. Он к тебе тянется, а ты на него плохо влияешь.

Фредерик уходит. Входит Эрнест.

ЭРНЕСТ. Сэр, во сколько вам подать сухой мартини?

УИЛЬЯМ. Эрнест, вы отлично знаете, что я всегда работаю до двенадцати сорока пяти. Каждый день, без выходных и праздников. Это мое кредо (*смотрит в зал*). И не забудь, что мартини должен быть обязательно холодным. Сегодня очень жарко.

Уильям уходит вверх по зеленой лестнице в свой кабинет.) Игрлет музыка 30-х годов.

Гаснет свет.

Сцена 3

Та же комната, часы показывают 12.45. Уильям выходит из своего кабинета на лестницу. Он одет в белые паруси-

синовые брюки, замшевые ботинки, блейзер, на шее платок. Спускается с лестницы. Входит Эрнест с подносом. На нем бокал с мартини. Уильям подходит к Эрнесту, берет бокал и делает большой глоток. Ставит бокал обратно на поднос.

УИЛЬЯМ. Мартини прохладный, а не холодный, Эрнест. Будьте внимательнее к таким вещам.

ЭРНЕСТ. Прошу прощения, сэр. Сегодня жарко, и холодильнику не хватает мощности. Вас ожидает мистер Сесил Битон.

УИЛЬЯМ. Хорошо, пусть войдет.

Эрнест уходит. Входит Сесил Битон с большой камерой на ножках и сумкой. Вместе с ним Оливия. Битон одет экстравагантно, на нем широкополая шляпа, летний плащ и длинный шарф. Оливия одета в элегантное летнее короткое платье.

УИЛЬЯМ. А я думал, что вы будете один, Сесил.

СЕСИЛ. Я подумал, что вы будете не против, если Оливия тоже побудет с нами. Она подержит лампу и, при необходимости, поможет передвинуть мебель. Ну и ее женский взгляд не помешает.

ОЛИВИЯ. Здравствуйте, мистер Моэм.

УИЛЬЯМ. А что, нужно будет двигать мебель для фото-

графий? Здравствуйте, Оливия.

СЕСИЛ. Возможно, так сказать, для ракурса.

Сесил настраивает камеру и достает из сумки лампу. Ставит аппарат на треножник. Оливия с интересом ходит по комнате и трогает книги. Уильям за ней наблюдает.

УИЛЬЯМ (Оливии). Не надо здесь ничего трогать. (Затем обращается к Сесилу.) А для каких журналов вы снимаете?

СЕСИЛ. Я работаю с журналами «Вог», «Вэнити Фэйр», «Татлер». Я снимал Марлен Дитрих, Жана Кокто, Коко Шанель.

УИЛЬЯМ. Я знал, что вы культовый фотограф. Хотя я ненавижу слово «культовый». Хуже него, по-моему, только «элитный». Если речь не идет о чае, конечно.

ОЛИВИЯ. У него была персональная выставка несколько лет назад. Самая знаменитая его фотография «Девушки – мыльная пена». Она сделана в формате ожившего полотна. Головные уборы девушек выполнены из объемного стекла, и на них много страз.

УИЛЬЯМ. Впечатляет.

Сесил заканчивает заниматься с аппаратурой. В это время Оливия поднимается по лестнице к кабинету Уильяма.

УИЛЬЯМ (*Оливии*). Я не разрешаю никому входить в свой кабинет. Прошу вас спуститься.

ОЛИВИЯ (*стоя наверху лестницы*). Ну не сердитесь, мистер Моэм, я уже спускаюсь. Я, как все женщины, любопытна и хотела посмотреть, как выглядит ваша гостиная сверху. Так сказать, для панорамного фото.

УИЛЬЯМ. Вам сколько лет, Оливия?

ОЛИВИЯ. Двадцать пять.

УИЛЬЯМ. Я никогда не сержусь на женщин моложе двадцати пяти лет.

Оливия медленно спускается по лестнице.

УИЛЬЯМ (*обращаясь к Сесилу*). Очень хорошо, что вы решили посвятить свою жизнь искусству. У нас почему-то мужским делом считаются занятия спортом, охота и рыбалка.

СЕСИЛ. Сейчас хорошее время для фотографий. Эра гламура, блеска, ар-деко, голливудского шика. Меня привлекает светская жизнь, богема, мода, балет, монархия. Я очень надеюсь когда-нибудь сделать фотографии нашего короля Георга Пятого.

УИЛЬЯМ. Вы еще так молоды, и у вас еще все впереди.

СЕСИЛ. Я раньше часто фотографировал лорда Эйвона, но теперь он больше не снимается.

УИЛЬЯМ. Это почему же?

СЕСИЛ. После того как ему исполнилось тридцать пять лет, он не позволяет себя фотографировать. Говорит, что хочет, чтобы его потомки знали его только молодым.

УИЛЬЯМ. Оригинально, ну, я уже снимался в более позднем возрасте, поэтому меня фотографировать можно.

Оливия продолжает ходить по комнате и рассматривать картины. Останавливается у одной из них.

ОЛИВИЯ (спрашивает у Уильяма). Это Тулуз-Лотрек?

УИЛЬЯМ. Нет, это Анри Матисс. Там, вообще-то, на картине есть его автограф. Внизу справа.

Оливия опускает голову и старается разглядеть автограф художника.

ОЛИВИЯ. А скажите, господин Моэм. В чем преимущество быть известным писателем?

УИЛЬЯМ. Преимущество в том, моя дорогая, что если раньше женщины тебе говорили «нет», то теперь говорят «да». (Обращаясь к Сесилу). А скажите, Сесил. У вас фотографии постановочные или спонтанные? Как вы снимаете?

СЕСИЛ. Больше спонтанные. О большинстве своих фотографий я могу сказать, что за несколько минут до их появления я даже не знал, что собираюсь их сделать. Единствен-

ное, что я могу сказать вам точно, что я снимаю очень быстро. Будьте к этому готовы. Я стараюсь, чтобы на моих фотографиях мужчины были красавцами, а женщины очаровательными. Для этого есть зоркий объектив и удачное освещение. А вы все время живете на этой вилле?

УИЛЬЯМ. Нет, конечно. Полгода я живу здесь, а полгода путешествую. (*Вальяжно.*) Обязательно раз в год заезжаю в Лондон. Закупить мыла «Флорис», заказать костюмы у Лесли и Роберта, подстричься в парикмахерской Трамперса, где меня обслуживает Джордж, имеющий обыкновение раз в неделю отправляться в Букингемский дворец поправить прическу королю Георгу. Для меня в одном магазинчике делают особые сигареты с длинным фильтром. Так что мне тоже не чужда, как вы говорите, божественная жизнь.

Оливия настраивает лампу и пробует освещение.

СЕСИЛ (*обращаясь к Уильяму*). У нас всё готово, можем начать фотографировать.

УИЛЬЯМ. Отлично, с чего начнем?

СЕСИЛ. Садитесь в кресло и сделайте веселое лицо.

Уильям садится в кресло. Оливия ходит с лампой и выбирает лучший свет. Сесил передвигает камеру на треножнике и очень быстро фотографирует. Вспышки раздаются каждую секунду.

УИЛЬЯМ. Вы действительно очень быстро фотографируете.

СЕСИЛ. Я вас предупреждал. У вас очень строгое лицо, улыбнитесь, пожалуйста.

Уильям пытается улыбнуться.

СЕСИЛ. Нет, это всё не то. Лучше садитесь на диван и раскиньте руки.

Уильям нехотя пересаживается на диван. Сесил продолжает фотографировать с феноменальной скоростью. Оливия еле успевает за ним.

Чего-то не хватает. У вас есть серый пиджак?

УИЛЬЯМ. Почему обязательно серый, я могу надеть белый пиджак.

СЕСИЛ. Серый цвет дает человеку ощущение внутренней стабильности.

УИЛЬЯМ. Нет, давайте без серых пиджаков, я не уверен, что сейчас его найду.

СЕСИЛ (*Оливию*). Давайте переставим это кресло в другую часть комнаты. Здесь не хватает света.

Они берут кресло, где раньше сидел Уильям, и перестав-

ляют его в другой угол.

СЕСИЛ (*Уильяму*). Садитесь теперь сюда и, наконец, улыбайтесь.

УИЛЬЯМ. Да я и так стараюсь, это вы так долго не можете определиться, где мне сидеть.

ОЛИВИЯ. Здесь света еще меньше. Нужно вернуть кресло на место.

Они опять берут кресло и возвращают его на прежнее место. Сесил смотрит в объектив.

СЕСИЛ (*Оливии*). Вы неправильно лампу держите, держите ее выше.

Уильям со вздохом садится в кресло.

УИЛЬЯМ. Я так и думал, что хороший снимок – это двадцать процентов творчества и восемьдесят процентов – таскание мебели.

СЕСИЛ. Я всё понял. Вас надо снимать стоя. Встаньте на лестницу и наденьте мою шляпу и шарф. Правую руку поднимите вверх.

Он пытается надеть на Уильяма свою шляпу, а Оливия – шарф. Уильям сопротивляется.

УИЛЬЯМ. Да не хочу я надевать вашу шляпу. У меня своих полно. Давайте перенесем вашу фотосессию на завтра, я уже устал фотографироваться. *(Со вздохом садится опять на диван.)*

ОЛИВИЯ. Я придумала отличное фото.

Оливия быстро садится на колени к Моэму и обнимает его за шею.) Сесил фотографирует.

ОЛИВИЯ *(громко в зал).* Знаменитый писатель со своей поклонницей. Я говорю «Да!».

Уильям в полной растерянности от такой наглости. Неожиданно входит Джеральд и видит Оливию на коленях Моэма. Оливия, наконец, встает.

ДЖЕРАЛЬД. Что вы тут делаете?

УИЛЬЯМ. Вообще-то, меня фотографируют.

ДЖЕРАЛЬД. Театральщина какая-то. Не ожидал от вас, сэр.

УИЛЬЯМ. Да как-то само собой получилось.

Джеральд уходит.

СЕСИЛ (*Уильяму*). Предлагаю продолжить завтра. У меня возникли новые идеи с фотографиями. Нужно только найти шкуру тигра или леопарда и принести очень много цветов.

УИЛЬЯМ. Мне нравится ваша креативность Сесил, но предлагаю сменить шкуру леопарда хотя бы на мантию короля.

СЕСИЛ. Это интересно. Я подумаю.

ОЛИВИЯ (*игриво*). А с вами так интересно, мистер Моэм.

УИЛЬЯМ. Я думаю, вам пора, господа. Время фотосессии истекло.

СЕСИЛ. Да, мы уходим. Я думаю, что ни одна фотография не сможет передать масштаб вашей личности.

УИЛЬЯМ (*снисходительно*). Я думаю, дорогой Сесил, что масштаб моей личности передадут не фотографии, а мои книги.

Оливия уходит. Сесил собирает аппаратуру.

УИЛЬЯМ (*Сесилу*). Я хотел у вас спросить, Сесил. Вы давно встречаетесь с Оливией?

СЕСИЛ. Нет, мы стали встречаться недавно.

УИЛЬЯМ. Послушайте совет писателя. Нет ничего проще, чем завести роман с хорошенькой женщиной. Но как потом дьявольски трудно бывает от нее отвязаться.

СЕСИЛ. Я приму к сведению, сэръ. Я тоже хотел попросить у вас совета. Я начал писать дневник, ну и небольшие рассказы. Где мне брать материал для этого?

УИЛЬЯМ. Вот об этом поговорим вечером за ужином. Тем более там будет знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Думаю, что его советы вам будут тоже интересны.

СЕСИЛ. Хорошо, мистер Моэм. До вечера. (*Уходит.*)

Входит Герберт Уэллс. На нем модный льняной темно-коричневый пиджак, светло-коричневые брюки и желтая рубашка. Он явно живет в свое удовольствие. Видно, что время лет он несет с легкостью.

ГЕРБЕРТ (*улыбаясь*). Могу я войти запросто или меня должен объявить дворецкий?

Уильям идет навстречу к нему, протягивая обе руки, но в последний момент опускает их.

УИЛЬЯМ. Прости, я не люблю, чтобы меня касались. Входи, конечно, без церемоний.

ГЕРБЕРТ. Да знаю, знаю твои комплексы. Переживу как-нибудь.

Оба садятся в кресла.

Ты какой-то запыхавшийся, дорогой Уилли.

УИЛЬЯМ. Да только что фотографировался. Это оказалось не так просто.

Как твои дела? Мы так и не поговорили после твоего приезда.

ГЕРБЕРТ. Мои дни состоят из бессобытийных событий. Я у тебя на отдыхе.

В основном размышляю. Не так давно закончил опыт автобиографии и пока ничего не пишу.

УИЛЬЯМ. Любые мысли полезны. Мой друг, ты столько всего написал, а после «Схемы истории» можешь вообще больше ничего не писать.

ГЕРБЕРТ. Нет, я не могу не писать. Бог дал мне талант удачного слова, это дар, которому нельзя научиться. Производительность писателя должна быть такой, чтобы забросать читателя массой. Если уже не получается удержать его интерес качеством. *(Встает и видит на книжной полке свои книги. Он проводит по ним пальцем.)* Эти книги уже мертвецы. Они когда-то касались злободневных вопросов, а теперь, когда эти вопросы перестали быть злободневными, их невозможно читать. *(Опять садится в кресло.)* Я видел сегодня на вилле твоего брата Фредерика. Они с женой уезжали.

УИЛЬЯМ. Он гнусный тип, и мне с ним неприятно общаться.

ГЕРБЕРТ. Ну, всё-таки он твой старший брат. Надо на-

ХОДИТЬ КОМПРОМИССЫ.

Входит Эрнест. Он катит на тележке хамон в виде целиковой свиной ноги. С нижней полки тележки он достает поднос с фруктами, сыром и инжиром и ставит на журнальный столик.

ЭРНЕСТ. Время обеда, сэр. Уже второй час.

УИЛЬЯМ. Спасибо, Эрнест, хамон я буду нарезать сам. Можете идти.

Эрнест уходит. Уильям и Герберт продолжают сидеть в креслах. Уильям поднимает ноги и разглядывает свои ботинки.

ГЕРБЕРТ. У тебя новые ботинки?

УИЛЬЯМ. Да, бархатные. Подарок Черчилля. Там даже есть мои инициалы.

ГЕРБЕРТ. А как он узнал твой размер?

УИЛЬЯМ. Я думаю, что через слуг это нетрудно сделать. *(Встает и идет к барному шкафу.)* Какое ты будешь вино, белое или красное? Кстати, ты обратил внимание, что плохой год для красных вин чаще всего оказывается хорошим для белых.

ГЕРБЕРТ. Мне всё равно. Я не разбираюсь в винах.

УИЛЬЯМ. Это потому, что ты англичанин. А англичане

ничего не понимают в вине.

ГЕРБЕРТ. Ну ты вроде тоже англичанин.

УИЛЬЯМ. Да, но я много времени провожу во Франции и научился разбираться в винах. Каждый француз знает в этом толк. Вообще, у французов есть уникальное умение в повседневной жизни получать удовольствие от простых вещей. Ты знаешь, например, какое лучшее вино тысяча девятьсот тридцать четвёртого года?

ГЕРБЕРТ. Нет, конечно.

УИЛЬЯМ. Это бургундское Акционерного общества Домен Романе-Конти. Оно поразило дегустаторов своим ароматическим букетом. Его считают лучшим вином для романтических встреч. Я тебя сейчас им угощу. Где ты еще попробуешь такого вина.

Наливает два бокала и передает один Герберту.

ГЕРБЕРТ. У нас разве романтическая встреча?

УИЛЬЯМ. Нет, у нас встреча двух старых писателей-романтиков. Кстати, твоим социалистам тоже ничего человеческого было не чуждо. Фридрих Энгельс в анкете на вопрос «Ваше представление о счастье» ответил просто: «Шато Марго» тысяча восемьсот сорок восьмого года».

ГЕРБЕРТ. Насколько я помню, лорд Байрон говорил: «Джин с тоником – вот источник моего вдохновения».

УИЛЬЯМ. Чепуха. Во времена Байрона тоника не было.

Наверняка он пил джин с водой или просто джин. Давай выпьем вина.

Они чокаются бокалами и делают по глотку.

ГЕРБЕРТ. Вообще-то, я предпочитаю хороший виски.

УИЛЬЯМ. Вино гораздо полезнее виски. Вино снижает вред от курения, предотвращает болезнь десен, борется с сердечно-сосудистыми заболеваниями, предотвращает образование тромбов и защищает от рака ротовой полости. Это я тебе как врач говорю. *(Встает и наливает в бокал Герберта еще вина.)* Жизнь слишком коротка, чтобы пить плохое вино. Попробуй местный сыр, он отлично сочетается с инжиром. *(Берет сыр и инжир и кладет в свою тарелку, затем подходит к хамону и начинает нарезать и класть его в тарелки.)* Этот хамон мне прислали мои друзья из Испании. Я тебя угощу настоящим хамоном. Хамон не просто еда, это деликатес, сокровище и достояние Испании. История хамона весьма проста и очень стара, ей почти две тысячи лет, а появился хамон благодаря стремлению приготовить мясо так, чтобы оно хранилось достаточно долго и подходило для длительных переходов армий, торговцев и путешественников.

ГЕРБЕРТ. А ты неплохо нарезаешь хамон. Где ты этому научился?

УИЛЬЯМ. О, нарезка хамона – это целый ритуал, а умельцев нарезать хамон называют кортадорами. Нарезает-

ся хамон на специальной деревянной доске – хамонере. Все-
му этому я научился в последнем путешествии по Испании.
(*Передаёт тарелки с нарезанным хамоном Герберту.*)

ГЕРБЕРТ. А вино действительно отличное.

УИЛЬЯМ. Мы, англичане, тоже внесли свою лепту в
винную историю.

ГЕРБЕРТ. И какое вино мы придумали?

УИЛЬЯМ. Ты не поверишь, но это шампанское. Как из-
вестно любому, кто хоть раз сам готовил имбирный эль, про-
дуктом собственного брожения являются пузырьки. И тут
возникает проблема, как их контролировать. А у нас, англи-
чан, вкус к шипучке выработался еще в шестнадцатом ве-
ке, когда импортировали из Франции зеленое плоское вино
и добавляли в него сахар и патоку, чтобы вино забродило.
Британцы одновременно придумали и стеклянные бутылки,
и пробки для сдерживания процесса. Как следует из доку-
ментов Британского королевского общества, метод, который
принято называть «метод шампенуаз», вообще впервые был
описан в Англии.

ГЕРБЕРТ. А что же французы?

УИЛЬЯМ. Французы, конечно, добавили изящества и
привкус, но современную сухую технику или брют они до-
вели до ума лишь два века спустя. Англия, кстати, круп-
нейший потребитель шампанского в мире. Это практически
треть экспортного рынка Франции.

ГЕРБЕРТ. А как же этот монах Дом Периньон?

УИЛЬЯМ. Ну, он не изобрел шампанское. На самом деле большую часть времени он посвятил как раз попыткам избавиться от пузырьков.

ГЕРБЕРТ. Но, кажется, он сказал: «Смотрите, я пью звезды».

УИЛЬЯМ. Это выражение придумано для рекламы шампанского в конце девятнадцатого века. Но Дом Периньон, конечно, внес свой вклад в это дело, который выразился в искусном смешивании или более правильном купажировании сортов винограда с разных виноградников.

ГЕРБЕРТ. Я хотел с тобой поговорить по поводу своего ПЭН-клуба. Ты знаешь, что после смерти Голсуорси его возглавил я? Я тебе благодарен, что ты туда вступил, но не хочешь ли ты пойти еще дальше и войти в исполком клуба?

УИЛЬЯМ. Боюсь, что от меня в ПЭН-клубе не будет толка, я почти все время в разъездах за пределами Англии. К тому же я терпеть не могу всякие заседания. И там много политики, а я не хочу заниматься этим грязным делом.

ГЕРБЕРТ. Ну, не соглашусь с тобой. Наш ПЭН-клуб за литературу без пропаганды, нельзя писать за разжигание войны, он не может служить государственным или политическим интересам.

УИЛЬЯМ. Ну хорошо. Я подумаю. А что ты понял, когда писал свою автобиографию?

ГЕРБЕРТ. Что науку двигают шизофреники, а искусство – алкоголики.

УИЛЬЯМ. Мне кажется, тебя всегда привлекали четыре темы: интернационализм, социализм, научный прогресс и свободная любовь.

ГЕРБЕРТ. Это все в прошлом.

УИЛЬЯМ. Что, осталась одна свободная любовь? Хотя, насколько я помню, свободу женщины ты сводил к тому, чтобы женщина могла свободно штопать носки своему мужу.

ГЕРБЕРТ. Всё, что мы пишем, в значительной мере автобиографично, не всегда в плане событий, но всегда в плане эмоций.

УИЛЬЯМ. Ты слишком погружен в переустройство мира. Чем меньше старейший писатель пишет, тем больше у него славы. Вот у меня роль писателя-созерцателя, стоящего поодаль от событий и оттуда наблюдающего за людьми. Кстати, я хотел подарить тебе свою последнюю книгу. Это пьеса, «Шеппи». Сразу скажу, она не о женщине.

Встает, берет со стола книгу и передает ее Герберту. Герберт берет книгу, открывает обложку.

ГЕРБЕРТ (*читает вслух*). Дорогой Одетте от Уилли. (*Вздыхая.*) Ну понятно. А я с Одеттой уже расстался.

УИЛЬЯМ. Ну извини, не знал. И с кем же ты сейчас?

ГЕРБЕРТ. С Марией Игнатьевной Закревской-Бенкендорф-Будберг.

УИЛЬЯМ. Эта русская фэм фэйтал? Так она же была лю-

бовницей Горького!

ГЕРБЕРТ. Не говори так о моей Муре. Мне кажется, что она главная любовь моей жизни. Жизнь для меня имеет ценность лишь тогда, когда в ней присутствует и озаряет ее женщина. Я даже делал Муре предложение стать моей женой. Но она, к сожалению, не сторонник прочных отношений. Говорит, что постоянная связь осложняет жизнь. Я занимаю в ее жизни строго отведенное место. Она ведет себя как загадочная русская душа из плохих романов. Спит весь день, а по ночам пропадает в каких-то сомнительных компаниях. Много пьет.

УИЛЬЯМ. Мой дорогой, ну ты отлично знаешь, чтобы тебя любили – достаточно самому не любить.

ГЕРБЕРТ. Я так не могу. Благодаря ей я увлекся всем русским. Дома сменил подушки на диване, ходил на балет, даже икону на стену повесил.

УИЛЬЯМ (*улыбаясь*). Надеюсь, в русскую церковь молиться не ходил?

ГЕРБЕРТ. До этого, слава богу, не дошло.

УИЛЬЯМ. А мне больше всего понравился русский салон в Париже, где одетые в красивые платья литературные русские дамы трепетно тянули свои покрашенные губы к рюмкам водки. Это было так изысканно и сексуально.

ГЕРБЕРТ. А ты ведь, кажется, был в России.

УИЛЬЯМ. Да, один раз в тысяча девятьсот семнадцатом году, с секретной миссией. Так что не могу об этом говорить.

ГЕРБЕРТ. Ну, полноте, это было восемнадцать лет назад. Ты скажи, какое впечатление на тебя произвел Керенский?

УИЛЬЯМ. Наибольшее впечатление на меня произвел Борис Савинков, бывший в то время военным министром в правительстве Керенского. Революционер с большим стажем, он участвовал в убийстве великого князя Сергея Александровича и начальника полиции Трепова. Он мне показался человеком, для которого нет преград. Больше всего поразила его размеренная речь, сдержанность и твердая воля. С Керенским я встречался на квартире у Саши Кропоткиной и несколько раз в ресторане. Ну и слышал его выступления, конечно. В нем не чувствовалось силы, рукопожатие быстрое, порывистое, на лице выражение тревоги, загнанный вид. В нем проступало что-то жалкое, он пробуждал сострадание. Чувствовалось, что человек на пределе сил. Хотя и прекрасный оратор, но в речах нет внутренней силы и магнетизма.

ГЕРБЕРТ. Я был в России в тысяча девятьсот двадцатом году. Это была картина колоссального непоправимого краха. И знаешь, что на меня произвело самое большое впечатление?

УИЛЬЯМ. Что?

ГЕРБЕРТ. Это театры. С ними было все как прежде. Великолепные костюмы, декорации, оркестр. Дирижер во фраке и белом галстуке. Я слышал Шаляпина в «Хованщине» и «Севильском цирюльнике». Но выходишь на улицу – и вокруг эта непроглядная тьма. Там были ужасные бытовые

условия, а мне нужна была утренняя ванна, ежедневная газета, сытный завтрак. Из России я уехал разочарованным. Бесконечные разговоры, там, где требовалось действие, – колебания, апатия, напыщенные декларации, неискренность, вялость. Знаешь, какой главный закон русской жизни? Ничего не надо делать, Бог за тебя всё сделает.

УИЛЬЯМ. Да, русским нужно поменьше искусства и побольше порядка. А ты же, кажется, и с Лениным встречался?

ГЕРБЕРТ. Да, но мы друг друга не поняли. Я спрашивал, как он представляет себе будущее России, а он меня спрашивал, почему в Англии не начинается социалистическая революция. А, кстати, какая в твоей секретной миссии была кличка у Ленина? Вы же всем даете клички.

УИЛЬЯМ. Ленин – Дэвис, Керенский – Лэйн, Троцкий – Коул, британское правительство – Эйр энд Компани.

ГЕРБЕРТ. Ленин – Дэвис. Оригинально. Мы, англичане, все-таки парадоксальный народ. Одновременно и прогрессивный, и очень консервативный, охраняющий старые традиции. Чтобы мы начали всё заново – да никогда. У нас прямо с тобой русский день сегодня. Это мы еще о русской литературе не разговаривали. Ну это в следующий раз.

Уильям встает и наливает им обоим еще вина. Пауза в разговоре. Герберт разглядывает подаренную Уильямом книгу.

Ты по-прежнему работаешь только четыре часа в день?

УИЛЬЯМ. Почти четыре. Если Чарльз Дарвин работал ежедневно не больше трех часов и сумел за это время совершить революцию в естествознании, то с какой стати я, который ничего не хочет изменить, должен трудиться больше.

ГЕРБЕРТ (*продолжая разглядывать книгу*). А новые пьесы будут?

УИЛЬЯМ (*после некоторой паузы*). Это, вероятно, моя последняя пьеса.

ГЕРБЕРТ. Почему? Ты, кажется, любишь писать пьесы.

УИЛЬЯМ. Это очень хлопотно, особенно когда ее начинают ставить. Директора театров – прирожденные идиоты. У режиссера свое мнение о постановке, актеры между собой ругаются за роли. Особенно актрисы. Одна актриса написала мне записку, что, если я не уговорю режиссера отдать ей главную женскую роль, она покончит с собой. В общем, осточертел мне этот театральный бизнес.

ГЕРБЕРТ. И что актриса?

УИЛЬЯМ. Какая?

ГЕРБЕРТ. Ну которая хотела покончить с собой?

УИЛЬЯМ. Слава богу, все живы, даже без главной женской роли. На репетициях меня раздражала получасовая дискуссия о том, где должен стоять такой-то стул, чтобы лучше отразить задумку автора. На что я сказал, что у меня не было никакой мысли насчет этого стула. Старые актеры всё норовили вынести свою сцену поближе к зрителям, хотя у

меня в тексте эта сцена не имела никакого значения. Полный дурдом.

ГЕРБЕРТ. Ну что ты хочешь. Актерская профессия требует бесконечного терпения, несет с собой много разочарований. Бывают полосы длительного безделья. Успехи редки и преходящи, зарплата маленькая, актер отдан на милость судьбы и непостоянство публики. Если актер мало играет, о нем забывают. А потом – это творческий организм. Интриги и сплетни – его составная часть.

УИЛЬЯМ. Этот театральный мир при всем своем блеске довольно безумен, люди, которые в нем живут прелестны, но инфантильны. Они как дети, которых я люблю, но почему-то хочу отшлепать. И потом все актеры ужасные сплетники. Даже о маленьком событии в личной жизни всем будет известно в течение двадцати четырех часов.

ГЕРБЕРТ (*медленно вставая с кресла*). Я не очень люблю театр. Я считаю этот вид искусства устаревшим.

Уильям тоже встает и провожает Герберта к выходу.

Ну, мне пора. Твой Джеральд звал меня на прогулку на яхте. Там вроде и Оливия будет. А она очень хорошенькая.

УИЛЬЯМ. Скажи, что ты находишь в молодых женщинах? Они же скучные и глупые.

ГЕРБЕРТ. Я люблю старые вина, старых друзей и старые книги. Но питаю слабость к молодым женщинам.

Герберт уходит. Уильям направляется к лестнице. Входит Эрнест.

ЭРНЕСТ. Сэр, некто господин Мануэль Санчес просит его принять. Говорит, что он ваш сосед и хотел бы с вами познакомиться.

УИЛЬЯМ (*сердито*). Я не собираюсь знакомиться со всеми соседями в этом городке. И, вообще, мне уже пора отдыхать. Я устал.

ЭРНЕСТ. Сэр, он просит вас уделить ему всего пять минут. Он хочет предложить вам свои услуги и говорит, что принес подарок.

УИЛЬЯМ (*раздраженно*). Ну хорошо, пусть войдет. Но скажите ему, что у него всего пять минут.

Эрнест уходит. Входит Мануэль. Он одет в светлый костюм, которые обычно надевают танцоры танго на милонги.

МАНУЭЛЬ (*приветливо*). Здравствуйте, сэр. Меня зовут Мануэль Санчес, можно просто Мануэль или маэстро Мануэль, как меня называют мои ученики. Я аргентинец. Спасибо, что согласились меня принять. Я восхищаюсь вашим творчеством и читал почти все ваши романы.

УИЛЬЯМ. Давайте не будем об этом, что вам угодно?

МАНУЭЛЬ. Я хотел бы предложить вам уроки танго.

Здесь у меня школа танго, есть небольшая группа в городке.

УИЛЬЯМ. И что, люди ходят?

МАНУЭЛЬ (*гордо*). Да, человек десять – пятнадцать всегда есть. Танго – это жизнь. Танцоры называют танго «форма де ла вида», что значит «форма жизни». Существует даже понятие «тангеро» – «любитель танго».

УИЛЬЯМ. Мне не очень нравится танго, по-моему, это довольно вульгарный танец.

МАНУЭЛЬ. Вот так же один судья в американском городке подумал, и танцора танго даже судили и хотели дать реальный срок. Но в итоге оправдали.

УИЛЬЯМ. И какие у него были аргументы в свое оправдание?

МАНУЭЛЬ. Он просто прямо на суде станцевал танго с одной свидетельницей, и это оказалось убедительно.

УИЛЬЯМ. Хорошо, что он не стал танцевать с судьей.

МАНУЭЛЬ. Да, кстати я принес вам подарок – последнюю пластинку знаменитого Карлоса Гарделя. У вас, кажется, есть граммофон? Можно я её поставлю?

УИЛЬЯМ. Что ж, пожалуй.

Мануэль идет к граммофону и ставит пластинку.

УИЛЬЯМ (*Мануэлю*). Прошу вас, маэстро Мануэль, садитесь.

Оба садятся в кресла и слушают мелодию танго. Музыка играет громко, потом тише, чтобы было слышно беседу.

МАНУЭЛЬ (Уильяму). Может быть, начнем первый урок?

УИЛЬЯМ. Что, прямо сейчас и здесь?!

МАНУЭЛЬ. Ну да, у вас просторная гостиная.

УИЛЬЯМ. Что же, мне горничную звать?

МАНУЭЛЬ. Зачем, мы будем танцевать вдвоем друг с другом. Вы знаете, что в Аргентине в начале нашего века, когда танго только зарождалось и было много эмигрантов, женщин ну очень не хватало. На двадцать мужчин была одна женщина. И мужчины танцевали друг с другом. Так что в этом ничего необычного нет.

УИЛЬЯМ. Неожиданно. Ну что ж, давайте попробуем, раз вы пришли. Я в молодости любил танцевать и как-то танцевал даже три часа подряд.

МАНУЭЛЬ (*возбужденно*). Для танго характерен быстрый ритм, разнообразные движения, при которых работают все части тела, резкие повороты, и их много, тесный контакт между партнерами. В танго важно встать в правильную позицию. (*Показывает.*) И, конечно, важен сам шаг. Мы называем это прогулкой. Вот смотрите. (*Показывает прогулку.*) В танго важен шаг и, конечно, связки. По-испански «пасо» или, как говорят англичане, степ. Попробуйте пройти в стиле прогулки.

Уильям пробует, и у него выходит очень смешно.

МАНУЭЛЬ. Зачем вы двигаете плечи вверх-вниз? Держите спину прямо. Попробуйте еще раз.

Уильям пробует еще раз, получается лучше, но все равно смешно.

МАНУЭЛЬ. Давайте я покажу вам несколько связок. (*Берет Уильяма в пару.*) Мы как будем танцевать? В ближней (*прижимает Уильяма к себе*) или дальней позиции?

УИЛЬЯМ. В дальней. (*Отодвигается от Мануэля.*)

Музыка играет громче. Они пробуют танцевать. Мануэль комментирует каждую связку.

МАНУЭЛЬ (*манерно*). Это очо, это американа, хиро, валькада, кунита, калесита. А у вас неплохо получается. И вот посложнее. Ганчо.

Они танцуют ганчо.

УИЛЬЯМ (*отстраняется от Мануэля*). Ну всё, хватит на сегодня. Я устал.

У меня сумасшедший день с утра.

МАНУЭЛЬ (*эмоционально*). Помните, что сказал Ницше? «День прошел зря, если не танцевал». Существует несколько стилей танго: старики танцевали каженге, сейчас танцуют салон, милонгера, сценическое танго. А по виду музыки танго делят на классическое танго, вальс, милонгу, кандомбе, правда, последняя больше для Уругвая.

УИЛЬЯМ. Ну ладно, ладно. Довольно на сегодня, очень много информации. Я не против взять у вас несколько уроков. Но при условии, что вы будете приезжать ко мне на виллу. Сам я никуда не поеду.

МАНУЭЛЬ. Конечно, мистер Моэм, я согласен.

УИЛЬЯМ (*дружелюбно*). Мануэль, вы, кажется, хороший мальчик. Что вы сегодня делаете?

МАНУЭЛЬ. Да, в общем, ничего. Сегодня занятий у меня нет.

УИЛЬЯМ. Вот и прекрасно. Погостите у меня на вилле сегодня. Погуляйте, поиграйте в теннис, поплавайте в бассейне. Мои гости будут рады с вами познакомиться. А через час мой секретарь Джеральд организует для всех прогулку на яхте. Вечером у меня ужин. Возможно, и танцы будут, и вы будете весьма полезны. Оставайтесь.

МАНУЭЛЬ. С удовольствием, мистер Моэм.

Неожиданно входит Джеральд. Он одет для прогулки на яхте.

ДЖЕРАЛЬД (*Уильяму*). Я хотел спросить по поводу ужина. Вы насчет напитков распорядились?

УИЛЬЯМ. Да, конечно, Джеральд, ты очень кстати. Познакомься. Это Мануэль. Он танцор танго.

ДЖЕРАЛЬД (*с интересом глядя на Мануэля*). Привет, Мануэль. И что, хорошо танцуете?

МАНУЭЛЬ. Стараюсь, сэр. Это мое призвание.

УИЛЬЯМ (*Джеральду*). У меня к тебе просьба. Мануэль погостит у нас сегодня. Возьми его на прогулку на яхте, поиграйте вместе в теннис. На ужине он тоже будет.

ДЖЕРАЛЬД. С удовольствием, сэр. (*Мануэлю.*) В теннис прилично играете?

МАНУЭЛЬ. Я был чемпионом своего города.

ДЖЕРАЛЬД. Ладно, проверим сегодня.

Джеральд кладет Мануэлю руку на правое плечо, и они уходят. Уильям недовольно провожает их глазами, еще раз ставит пластинку и пробует один танцевать танго. Игрет красивая музыка. Получается у него с трудом и смешно.

Занавес. Конец 1-го действия.

Действие второе

Сцена 1

Часть парка виллы Уильяма. Красивая аллея, ведущая по

направлению от зрителей в глубину парка к морю. Налево и направо от аллеи апельсиновые и лимонные деревья. Вдалеке виден бассейн и теннисный корт. Стоят несколько плетеных кресел, столик и скамейка. Рядом с ними висит большой гонг. Голубое небо и солнце дополняют картинку отличного шольского дня. Играет мелодия быстрого танго («Либер-танго»). Вбегают Оливия, Сесил и Мануэль. Они в теннисных костюмах. В руках у них ракетки. Видно, что они разгорячены только что закончившейся игрой. Они продолжают перекидывать мяч друг другу. Весело смеются. Потом садятся в кресла и на скамейку, вытянув ноги.

ОЛИВИЯ (Мануэлю). А вы неплохо играете, Мануэль.

МАНУЭЛЬ. Все аргентинцы хорошо играют в теннис.

СЕСИЛ (недоверчиво). Ну так уж все.

ОЛИВИЯ (оглядываясь по сторонам). А куда это Джеральд делся? Он же только что был с нами.

СЕСИЛ. Он, кажется, пошел переодеться. Думаю, сейчас придет.

ОЛИВИЯ. А вы заметили, что у него как-то голова наклонена вправо. Как будто дефект какой-то.

СЕСИЛ. Я слышал несколько версий на этот счет. Первая от Уильяма, что Джеральд неудачно нырнул в море, ударился под водой о скалу и как следствие повредил шею.

ОЛИВИЯ. А вторая версия?

СЕСИЛ. Он, как всегда, напился и нырнул в бассейн, где не было воды. Сломал себе несколько шейных позвонков и

долго ходил в корсете. После этого его голова кажется чуть наклонённой вправо. Последствия травмы. Я, честно говоря, больше склоняюсь ко второй версии.

МАНУЭЛЬ. Почему же?

СЕСИЛ. Я слышал еще одну историю о Джеральде. Что однажды в казино в Монте Карло он выиграл очень много денег. Напился до чертиков. Его начали искать и нашли на полу, в туалете казино, полураздетым, пьяным, обсыпанным 1000 франковыми купюрами и крепко спящим. Поэтому вторая версия его травмы мне кажется предпочтительней.

ОЛИВИЯ. Это ужасно. Но согласитесь, что Джеральд очень компанейский, прямо душа любой компании.

СЕСИЛ. Да, это так. Он очень обаятельный.

МАНУЭЛЬ. И мне он нравится. Как он здорово управляет яхтой.

ОЛИВИЯ. А согласитесь, господа, какой восхитительный отдых на вилле «Мавританка». Жаркое солнце, море, чудесный сад, шезлонги, бассейн, яхта, прохладный лайм, роскошные закаты, приятная компания. А как нас встречали на вилле!

МАНУЭЛЬ (*Оливию*). И как, расскажите.

ОЛИВИЯ. Мы приехали в Больё. Джеральд и шофер Жан встретили нас и на роллс-ройсе привезли на виллу, где нас встретил дворецкий Эрнест и только потом, в гостиной, сам хозяин дома. Он был сама любезность.

СЕСИЛ. Да, будешь таким добрым, если тебе платят дол-

лар за слово.

МАНУЭЛЬ. Так много?

СЕСИЛ. Правда, я читал, что Диккенсу платили тысячу фунтов за рассказ.

ОЛИВИЯ (*усмехаясь*). В таком случае он был заинтересован писать маленькие рассказы.

СЕСИЛ. А вы знаете, Мануэль, для нас в комнатах есть рабочие столики, а на книжных полках расставлены только что изданные книги. В каждой комнате есть свой холодильник, где всегда есть фрукты и минеральная вода.

ОЛИВИЯ. Меня больше всего поразило то, что вчера я выложила из чемодана свою одежду на полки в шкафу. Вечером она куда-то исчезла. А с утра одежда появилась на этих полках и вешалках выстиранная, накрахмаленная и выглаженная.

МАНУЭЛЬ. Чудеса.

ОЛИВИЯ (*оглядываясь по сторонам*). И где-же все-таки Джеральд? Я слышала, что он готовит лучшие в мире коктейли.

МАНУЭЛЬ. А давайте позвоним в этот гонг.

Он встает и звонит несколько раз в гонг. Сразу входит Джеральд. Он несет в руках бокалы с коктейлями.

ДЖЕРАЛЬД (*улыбаясь*). Иду-иду. Просите, и дано вам будет.

ОЛИВИЯ и **СЕСИЛ** (*одновременно*). Просим! Просим!

*Джеральд раздает бокалы с коктейлями всем гостям.
Мануэль отказывается.*

МАНУЭЛЬ (*Джеральду*). Я пью только шампанское и коньяк.

ДЖЕРАЛЬД. Смешиваете?

МАНУЭЛЬ. Вовсе нет.

ДЖЕРАЛЬД. Ну, я думаю, мой коктейль вам тоже понравится.

Джеральд передает коктейль Мануэлю, и тот берет его в руки. Все с удовольствием пьют коктейли.

ОЛИВИЯ (*с восторгом*). Боже мой, как вкусно.

ДЖЕРАЛЬД. Мужчины делают коктейли гораздо лучше женщин.

ОЛИВИЯ. Не буду с вами спорить, Джеральд. Мы вот тут разговаривали про господина Моэма и нашли его чрезвычайно доброжелательным человеком и радушным хозяином.

ДЖЕРАЛЬД (*ходит по площадке*). Не идеализируйте старикана. Он бывает резок и груб. Пару дней назад мы играли в карты в казино в Монте-Карло. Так одна дама была слишком разговорчива, и он ей прямо в лицо сказал: «Хотите играть в карты – заткните свою пасть».

ОЛИВИЯ. В это невозможно поверить. Хотя я знаю, что Моэм великолепно играет в карты.

ДЖЕРАЛЬД. А вчера на рынке он торговался за рыбу минут двадцать. Старикан обожает порядок и точность, как Иммануил Кант.

МАНУЭЛЬ. А что Кант, я не знаю эту историю.

ДЖЕРАЛЬД. Кант выходил ежедневно на прогулку в одно и то же время и с такой точностью, что жители Кёнигсберга привыкли проверять по этому событию свои часы. И, когда однажды он вышел из дома на час раньше обычного, они пришли в ужас, полагая, что случилось что-то страшное. И они не ошиблись: Кант получил известие о падении Бастилии.

СЕСИЛ. Но к своим гостям мистер Моэм относится очень внимательно. Он просто воплощение гостеприимства.

ДЖЕРАЛЬД. Однажды я подслушал, как он отзывался о гостях в разговоре с Гербертом Уэллсом. Он говорил, что гостей на вилле слишком много, каждый по отдельности хорош, а вот вместе взятые... Бывают гости, которые никогда не закрывают за собой дверь и не выключают свет. Некоторые любят вздремнуть после обеда и ложатся на кровать в грязных ботинках, и после их отъезда приходится отмывать спинку кровати. Есть гости, которые курят в постели и прожигают простыни. Бывают гости, которые сидят на диете и им надо готовить отдельную еду. Кто-то из гостей может за просто позвонить в Лондон или Нью-Йорк, не задумываясь о

том, какие счета придется за них оплачивать. Но самые плохие гости, которые берут у вас перед отъездом деньги в долг и не собираются их отдавать. Главный недостаток гостей – они мешают Моэму работать. Они же приезжают отдыхать со всеми атрибутами отдыха: бездельем, бесцеремонностью, пьянством.

ОЛИВИЯ. Ну пусть тогда не приглашает гостей.

ДЖЕРАЛЬД. Без гостей он не может обойтись. Они приносят с собой на Лазурный берег частичку лондонской жизни, с которой он утратил связь. Кроме того, он наблюдает за гостями, слушает их истории, многие из которых потом становятся сюжетами его рассказов. К тому же Моэм не лишен снобизма. Ему льстит общение с титулованными знаменитостями. Вокруг него всегда много людей. Это всегда бывает вокруг человека, когда он в силе и славе.

СЕСИЛ. А как он выбирает, кого приглашать?

ДЖЕРАЛЬД. Попасть на виллу совсем не сложно. При условии, что вы титулованная особа, состоятельный человек, знаменитость или (*внимательно посмотрел на Сесила*) привлекательный молодой человек. Правда, члены царствующих фамилий скучнейший народ. Они принимают от вас бесчисленные услуги, но сами и не подумают вам чем-то услужить. У Моэма всегда кто-то гостит. Порой новые гости тут же сменяют старых. Но Моэм не только любит встречать гостей, но и провожать их. Вы вот внимательно прочитали свои приглашения?

МАНУЭЛЬ. А у меня приглашения нет.

ОЛИВИЯ. А что в них такого особенного?

ДЖЕРАЛЬД. А то, что там четко указано время прибытия на виллу и время убытия с нее.

СЕСИЛ. У меня с собой нет приглашения. Осталось в комнате.

ОЛИВИЯ. У меня тоже.

ДЖЕРАЛЬД. К счастью, у меня есть копии ваших приглашений. Так сказать, для контроля выбытия гостей. *(Достает из пиджака приглашения и начинает читать вслух.)*

Так, мистер Сесил Битон. «Уважаемый такой-то. Вы приглашаетесь на виллу «Мавританка» с одиннадцати часов утра пятнадцатого июля до двадцати трех часов вечера двадцать второго июля». «Мисс Оливия Уилсон. Вы приглашаетесь на виллу «Мавританка» с одиннадцати часов утра пятнадцатого июля до двадцати трех часов вечера двадцать второго июля».

МАНУЭЛЬ. Очень похоже на туристический ваучер.

Сесил и Оливия выглядят растерянными.

СЕСИЛ. Я и не обращал внимания на день отъезда. А как же мы доберемся на поезд вечером?

ДЖЕРАЛЬД. Не волнуйтесь, шофер Жан вас отвезет в Больё. Старикан очень щепетилен в таких вещах. Гостей много, поэтому важно организовать их смену. Отсутствие пунктуальности вызывает у него раздражение. Как-то один из гостей опоздал к обеду и всем пришлось его ждать, так

старик мне сразу шепнул на ухо: «Он всегда был глуп». Он не прощает опозданий даже своим родственникам. Кто-то из его родни с детьми застрял в автомобильной пробке и не успевал к обеду. Когда они с большим опозданием подъехали к вилле, дети просто выскочили из машины и, даже не захлопнув двери, бегом побежали к столу, дабы не навлечь на себя гнев Моэма. Он сам очень дисциплинированный и требует этого и от гостей.

СЕСИЛ. Будем иметь в виду. Да, дорогая? А что это за символ повсюду на вилле. На книгах, бумаге, портсигарах, авто? Везде.

ДЖЕРАЛЬД. Это мавританский символ. Моэм считает, что он оберегает его от сглаза.

ОЛИВИЯ. А скажите, Джеральд. Я давно хотела спросить. А правда, что бутылки шампанского большого объема имеют свои имена?

ДЖЕРАЛЬД. Да, французы их называют флаконами. Конечно, наиболее распространенными в обиходе остаются традиционные бутылки объемом ноль семьдесят пять литра. Но на праздничном столе иногда можно встретить магнумы – флаконы по полтора литра, жеробоамы по три литра. Но есть и совсем экзотические – матусалемы по шесть литров и бальтазары по двенадцать литров. Я однажды видел даже соломона, который содержит эквивалент двадцати четырем стандартным бутылкам шампанского, весит сорок три килограмма и имеет в высоту восемьдесят пять сантиметров. Но,

думаю, сегодня за ужином будет шампанское в обычных бутылках.

ОЛИВИЯ. И какое будет шампанское?

ДЖЕРАЛЬД. «Пол Роже». Моэм его больше всего любит. Кстати, это любимое шампанское Черчилля. И еще, хотя жаркая погода сегодня оправдывает некоторую вольность в одежде, Моэм очень любит, чтобы на ужин все одевались торжественно. Он считает, что переодевание к ужину – это один из способов сохранить чувство собственного достоинства. Вот вы, Оливия, как-то всегда легкомысленно одеты.

ОЛИВИЯ (*игриво и вставая в позу, держа руки на поясе.*)
Жаль, всегда мечтала выглядеть как шлюха.

Сесил смотрит на нее с укоризной.

Шучу, шучу. Я буду прекрасной великосветской дамой.

Они все уходят.

Сцена 2

Та же часть парка виллы. Слева на сцене стоит кресло-качалка. Входит Уильям. На нем белые брюки и светлый пиджак. Те же бархатные ботинки. Он садится в кресло и начинает читать книгу, слегка раскачиваясь в кресле. Входит Эрнест.

ЭРНЕСТ. К вам приехала Мари Лоренсен, сэр.

УИЛЬЯМ. Пригласите ее в сад, Эрнест.

ЭРНЕСТ. Она хотела бы предварительно взглянуть на свои картины в доме.

УИЛЬЯМ. Хорошо. Передайте, что я жду ее здесь.

Слышен голос Мари Лоренсен. Она говорит о своих картинах.

МАРИ ЛОРЕНСЕН. Какая хорошенькая! Прелесть! Это восхитительно! Не может быть никаких сомнений, это просто шедевр!

Уильям с ухмылкой смотрит в зрительный зал. Входит Мари Лоренсен. Она выглядит гораздо моложе своих лет. Одета в черное платье от Шанель. Уильям встает ей навстречу, протягивает обе руки, но в последний момент опускает их.

УИЛЬЯМ. Здравствуйте, моя дорогая, прошу вас, садитесь.

Оба садятся в кресла.

В этом платье вы чудо как хороши.

МАРИ. Спасибо, в моем возрасте лишним комплимен-

том не брезгают.

УИЛЬЯМ. Полноте, какой у вас возраст, сейчас живут долго. Хотите кофе?

МАРИ. С удовольствием. Я нашла свои картины в отличном состоянии.

УИЛЬЯМ. Я очень рад.

Звонит в колокольчик. Приходит Эрнест.

Эрнест, будьте любезны два кофе.

ЭРНЕСТ. Сию минуту, сэр.

Он уходит.

МАРИ (*возвышенно.*) Нет, только художник может понять настоящее искусство и быть его истинным ценителем!

УИЛЬЯМ. Не согласен с вами. Это заблуждение – почитать искусство за ремесло, до конца понятное только ремесленникам. Искусство – это выражение чувств, а чувства понятны всем людям.

МАРИ. У большинства людей все мысли направлены в первую очередь на удовлетворение своих потребностей и сохранение своей жизни. Людям надо питаться и одеваться, а потом уже понимать искусство.

УИЛЬЯМ. Искусство должно захватить массы. Художник творит не для других, для себя. Но искусство должно

нести духовную пользу. Эстетическое переживание имеет ценность лишь в том случае, если оно воздействует на природу человека и взывает к его активному отношению к жизни.

Эрнест приносит кофе.

Спасибо, Эрнест.

МАРИ. Так что важнее, искусство или жизнь?

УИЛЬЯМ. Конечно, жизнь важнее искусства. Но смысл жизни в ее нравственном содержании. Особенность художника состоит в том, что он отличается от других людей и видит жизнь совершенно по-другому.

МАРИ. Да, я согласна с вами, что художник не копирует жизнь. Он изображает ее согласно своему замыслу. Он мыслит кистью и красками.

УИЛЬЯМ. Как и писатель мыслит сюжетом.

МАРИ. Матисс как-то показал одной даме свое полотно, на котором была изображена обнаженная женщина. «Но женщина совсем не такая!» – воскликнула дама. На что Матисс ответил: «Мадам, это не женщина, это картина». Художник создал произведение искусства и свою задачу выполнил.

УИЛЬЯМ. Мне кажется, что на мир, в котором мы живем, можно смотреть без отвращения только потому, что есть красота, которую создает человек. Картины, музыка,

книги. И больше всего красоты заключено в прекрасно прожитой жизни. Это самое высокое произведение искусства.

МАРИ. Культура должна служить жизни, но цель ее не красота, а добро.

Пауза. Пьют кофе.

МАРИ. Коллекция картин у вас просто замечательная. Клод Моне, Ренуар, Гоген, Тулуз-Лотрек, Матисс, Пикассо...

УИЛЬЯМ. Мари Лоренсен.

МАРИ (*смеясь*.) Я выпадаю из этого ряда великих.

УИЛЬЯМ. У меня всегда покойно на душе, когда меня окружают картины.

Я собираю картины для собственного удовольствия. Они соответствуют моим вкусам. Я никогда не покупаю картин, которые мне не нравятся. Картины – это друзья, и, если уж живешь с ними, они должны быть к тебе расположены. Коллекция должна отражать личность коллекционера. Коллекция живописи – это мои чувства.

МАРИ. Но ваши картины стоят и приличных денег.

УИЛЬЯМ (*улыбаясь*). Это очень хорошо, когда вкусы и рыночная стоимость картин совпадают. Через годы эти картины будут стоить состояние. Акции нефтяных компаний могут рухнуть, а картины будут всегда в цене. Без денег жить некомфортно. Без денег можно быть счастливым только в

молодости, а в зрелом возрасте жить без них неудобно. Деньги дают возможность обменивать их на удовольствия. Деньги дают власть, влияние, общественный вес.

МАРИ. Да, иногда за деньги приходится писать портреты на заказ. И что здесь циничного?

УИЛЬЯМ. Писатель, как и художник, предпочитает писать то, на что имеется спрос. Это нормально. Большая часть знаменитых портретов была написана потому, что за них платили. А вы обращали внимание, что есть два типа портретистов? Для первого важнее всего, кого он рисует, а потом уже сам художник. Другие ставят на первое место себя, художника. В результате на портрете отражается не столько личность того, кого рисовали, а индивидуальность художника.

МАРИ. И к какому же типу портретистов отношусь я?

УИЛЬЯМ. Явно ко второму. Почему у вас все картины в голубоватом и сероватом тоне?

МАРИ. У каждого художника свой цвет, как и у писателя – свой стиль и своя интонация.

УИЛЬЯМ. Верно. Но у вас в картинах нет никакой идеи. Ну что это – сплошные женщины, дети, циркачи.

МАРИ (*встает и начинает ходить по саду; говорит возбужденно*). Вы не понимаете, у меня свой стиль. Его называют нимфизм. Это создания страны фей. В прозрачном царстве, на голубоватом и сероватом фоне, где туман, показаны не столько люди, сколько видения. Женщины абсолютно

неземной грации, с астральными телами, одетые в бледные платья, смотрят на вас потусторонними глазами. Это мой мир. Я отдаю предпочтение пастельным тонам, волшебным зверям, цветам, женщинам, детям. Зачем мне рисовать мертвых рыб, лук или пивные бокалы. Женщины и дети куда привлекательнее.

УИЛЬЯМ. Вот я и говорю, что в ваших картинах нет души. Возьмите «Ночной дозор» Рембрандта. Это самое большое полотно из всех его картин. Он даже писал его не в мастерской, а в саду своего дома, потому что оно не помещалось. Восемнадцать стрелков подняты по тревоге и идут в дозор. Все в движении, как будто сейчас выйдут из картины. Рембрандт одновременно изобразил и самих людей, и устремление их душ. Сколько вы знаете знаменитых женщин-художниц? Женщины не могут хорошо рисовать, несмотря на то, что среди студентов-художников девушек довольно много. Они не имеют фундаментального характера, чтобы стать великими художниками. Они не проходят проверку рынком, а рынок всегда прав.

МАРИ. Но мои картины вы все-таки купили?

УИЛЬЯМ. Мне понравилось, что в ваших работах сочетаются мотивы рококо XVIII века и стиль персидских и монгольских миниатюр. Это необычно.

МАРИ. Но в них же нет души.

УИЛЬЯМ (*улыбаясь*). Ну, знаете, не каждая картина должна взывать к действию. Должны быть и картины для лю-

бования и отдыха глаз.

МАРИ. Я рисовала декорации для «Комеди Франсез» и русского балета Дягилева. Мне кажется, что моя манера живописи в целом отвечает художественным устремлениям нашего времени. У меня к вам тоже вопрос. Почему в ваших романах все женщины-героини непривлекательны?

УИЛЬЯМ. А когда вообще в романах был образ порядочной и благородной женщины?

МАРИ. Ну как же. А Шекспир?

УИЛЬЯМ. Беатриче и Розамунда – это исключения. Все прочие – дуры и жеманницы. Средняя женщина моего поколения похожа на крепостную, которая получила свободу, но не знает, как ей распорядиться. Она вроде целиком перестала принадлежать семье и дому, но еще не готова вступить в общество на равных. Время благородных женщин в литературе еще не пришло. А вот вам не кажется, Мари, что люди смотрят на картины по-разному?

МАРИ. Что вы имеете в виду?

УИЛЬЯМ. Для богатых прогулка в картинную галерею одно из развлечений, среди множества других. Пройтись по галерее для них способ приятно провести время. А бедным, несмотря на все несчастья и проблемы, картины помогают существовать и вносят в их жизнь элементы красоты.

МАРИ. Возможно. Но я никогда не провожу в музее больше часа. Дольше нельзя, восприятие притупляется. Искусством нельзя обедаться. И, вообще, мне кажется, что

большинство людей интересуются авторами, а не их творениями, больше художниками, чем их картинами.

УИЛЬЯМ. Знакомство с крупнейшими картинами великих художников – составная часть образования культурного человека. И, если в разговоре не вставишь словечко о Леонардо да Винчи, Рафаэле или Тициане, оказываешься в довольно глупом положении.

МАРИ. Удивительный старый хрыч этот Тициан. Прожил восемьдесят восемь лет, да и то понадобилась чума, чтобы его убить. Я сейчас вспомнила рассказ о студенте, который увидел «Одалиску» Энгра и потерял сознание от силы ее воздействия.

УИЛЬЯМ. Это было давным-давно. В прошлом веке люди были более романтичны и чувствительны. Сейчас в обморок от картины никто не упадет.

Почему среди ваших картин нет мужских портретов?

МАРИ. Вот я и приехала не только посмотреть свои картины, но и написать ваш портрет, если вы не против, конечно.

УИЛЬЯМ. Вы серьезно? И сколько вам на это потребуется времени?

МАРИ. Ну, дня три-четыре.

УИЛЬЯМ (*смотрит в зал и говорит вполголоса*). Три-четыре дня? (*Обращаясь к Мари.*) Вообще-то, это против моих правил. Я не присылал вам приглашения на этот срок, ну, уж раз вы приехали, оставайтесь. Я распоряжусь насчет ком-

наты для вас.

МАРИ (*радостно*). Вот и отлично. Я не буду вам надо-
едать.

УИЛЬЯМ. Но я совсем не типичный сюжет для вашей живописи. Я не юная милашка с молочно-розовым личиком и глазами газели. Я пожилой джентльмен с морщинами и мешками под глазами.

МАРИ. Я нарисую ваш портрет, где вы будете выглядеть как романтик с глазами оленя, а не как стареющий писатель на седьмом десятке.

УИЛЬЯМ. Посмотрим, посмотрим. Можно вам задать деликатный вопрос?

МАРИ. Задавайте.

УИЛЬЯМ. Вы же, кажется, встречались с тем большим французским политиком, о котором часто пишут в газетах. Насколько я помню, его звать Филипп. Что, уже больше не дружите?

МАРИ (*вздыхая*). Он был человек настолько занятой, что мог меня навещать только в восемь утра по дороге на службу. Мы расстались.

УИЛЬЯМ. Не лучшее время для любви. Ожидая от людей самое лучшее, часто получаешь самое худшее.

Пауза.

МАРИ (*оглядываясь вокруг*). У вас красивая вилла и пре-

красный сад.

УИЛЬЯМ (*говорит с удовольствием*). Это мой второй ребенок. Жизнь в Лондоне хлопотлива, и я живу на этой вилле полгода в году. Здесь хорошо отдыхается, но плохо пишется. Она за пределами жизни, вне людей и событий. В путешествиях материала куда больше.

МАРИ. А как вы здесь проводите свободное время?

УИЛЬЯМ. О, развлечений более чем достаточно. Играю в гольф в Мон-Анжеле, ужинаю в Антибе, устраиваю пикники на островке Иль де Лерэн близ Канн. Люблю поиграть в теннис и карты, поплавать в бассейне.

МАРИ. А что, если я соблазню вас сейчас прогуляться со мной в парке? Так сказать, для моциона.

УИЛЬЯМ. С удовольствием. Но не забывайте, что ужин в двадцать часов, а гонг к переодеванию в девятнадцать тридцать.

МАРИ. У нас предостаточно времени до ужина. У меня еще последний вопрос к вам. Почему у вас нет картин английских художников?

УИЛЬЯМ. Моя дорогая. Англичане великая нация, но писать маслом они никогда не умели и никогда не научатся. Английская школа мне неинтересна.

Мари берет Уильяма под руку, и они уходят в глубь парка.

Гаснет свет.

Сцена 3

Красивое место парка. В центре длинный обеденный стол на 7 персон. Он стоит в большой летней беседке. Игрет приятная джазовая музыка. Всё очень торжественно. Кругом горят вечерние фонари. Гости собираются и стоят возле стола. Идет оживленная светская беседа. Дамы одеты в шикарные платья, мужчины в красивых костюмах. Дворецкий Эрнест накрывает на стол. Он одет в белый пиджак с серебряными пуговицами. Между гостями ходит Джеральд и угощает своими коктейлями. Видно, что он прилично пьян. Мануэль пытается показать несколько связок танго Оливии. Она весело смеется. Эрнест заканчивает накрывать на стол, всем разливает шампанское и уходит. Спустя пару минут он появляется снова.

ЭРНЕСТ (громко для всех). Сэр Уильям Сомерсет Моэм.

Все гости перестают разговаривать и смотрят на ту часть сцены, откуда вышел Эрнест. Входит Уильям. Он одет в черный бархатный пиджак, черный галстук и свои бархатные туфли.

УИЛЬЯМ (обращаясь ко всем). Добрый вечер, господа. И прошу прощения за опоздание. Я принимал горячую ван-

ну. Прошу вас, садитесь.

Гости рассаживаются за столом.

ДЖЕРАЛЬД (*пьяным голосом*). А оргазм ты успел поймавать? Небось мастурбировал.

Все гости мгновенно замолчали. Воцарилась тишина. Так продолжается секунд 15–20.

ГЕРБЕРТ. Молчание – тоже беседа.

СЕСИЛ. А дальше тишина, как сказал Гамлет.

ОЛИВИЯ. Когда не знаешь, о чем говорить, можно занять рот едой.

Уильям уничтожающим взглядом смотрит на Джеральда.

УИЛЬЯМ. Ты думаешь, что непристойность – это душа остроумия.

Пауза.

ДЖЕРАЛЬД (*понимая, что перегнул палку, смущённо*). Это была дурацкая шутка, господа. Давайте срочно выпьем, трезвость вредит беседе.

Все немного успокаиваются и чокаются. Эрнест разносит закуски на тарелки.

ОЛИВИЯ (обращается к Уильяму, стараясь разрядить обстановку). А вы прекрасно выглядите, мистер Моэм. Раскройте свой секрет.

УИЛЬЯМ. Это плоды честной, трезвой и праведной жизни. Шучу. Я несколько месяцев назад прошел курс лечения у швейцарского доктора Пауля Ниханса, который изобрел метод целлюлярной терапии. В Кларане близ Веве у него своя клиника «Ла Прери». Там пациенты проходят курс лечения от разных болезней. Его методика заключается в том, что больным вводят клетки эмбрионов ягнят. Говорят, что это дает успешный результат при лечении рака, болезней сердца, диабета, цирроза печени. И замедляет процесс старения.

ГЕРБЕРТ. Сомнительная методика, и официальной медициной не одобрена. Это я как доктор биологии говорю.

МАРИ. И в чем же заключалось лечение?

УИЛЬЯМ. Очень удобно. С утра тебе делают один укол, и ты потом весь день свободен. Я был в полном безделье. Утром я лентяйничал, днем лодырничал, а вечером бил баклуши. Весь курс десять дней и, соответственно, десять уколов.

ГЕРБЕРТ. Насколько я знаю, специалисты по омолаживанию делятся на две школы: школу подтяжки и школу подкачки.

УИЛЬЯМ. Совершенно верно. Я как раз сторонник второй школы. После уколов мы весь день играли в карты в холле клиники, но в десять вечера приходил швейцар и смотрел на нас так выразительно, что нам ничего не оставалось делать, как встать и отправиться к себе в номер спать.

МАРИ. И кто же там еще лечился?

УИЛЬЯМ. Многие знаменитости. Герцог Виндзорский, Конрад Аденауэр, Папа Римский Пий Двенадцатый, Томас Манн, Бернанд Барух, Жорж Брак...

СЕСИЛ. Неплохая компания.

УИЛЬЯМ. Но есть один минус. После лечения нельзя курить и пить алкоголь три месяца.

ГЕРБЕРТ. Вот почему там не было Черчилля. Один из признаков старости, господа, это высыхание организма. В юности мы на семьдесят процентов состоим из воды, а в старости только на шестьдесят процентов. Поэтому с возрастом нужно пить как можно больше воды.

Эрнест накладывает всем горячее с большого подноса.

ДЖЕРАЛЬД. Господа, господа. Давайте выпьем. Больше всего на свете я люблю застолье.

МАНУЭЛЬ (*Джеральду*). Очень вы частите. Так нельзя.

ДЖЕРАЛЬД (*Мануэлю*). Ваша беда в том, что вы не пьете. Напивались бы иногда, сразу бы стали человеком.

ОЛИВИЯ. Все блюда за столом очень вкусные. У Вас

прекрасный повар.

УИЛЬЯМ. Сейчас обеды скромные, и остается восхищаться, как ели раньше. Это были обеды с десятью перемена-ми блюд. Начинали с супа или бульона, потом ели рыбу, а перед основным блюдом подавали еще различные закуски. После жаркого гостей обносили щербетом, так как считалось, что он помогает открыться второму дыханию. За щербетом следовала дичь по сезону, а затем широкий выбор сыров, сладостей и фруктов. К супу полагался херес, а к блюдам – различные вина, включая шампанское. Вот уж действительно умели покушать.

СЕСИЛ. И как же вы все это съедали?

УИЛЬЯМ (*усмехаясь.*) За это приходилось расплачиваться. Люди делались толстыми и в конце лондонского сезона уезжали в Германию на воды, чтобы привести в порядок печень и сбросить вес.

ГЕРБЕРТ. Да, да. Я знал одного господина, который брал с собой в Карлсбад два комплекта одежды. В одном он отправлялся на лечение, а в другом, сбросив десять килограммов, приезжал назад.

СЕСИЛ. Да, сейчас английское общество уже не то. Я был на обеде в одном доме, и там, представьте себе, прислуживают за столом не дворецкие и лакеи, а горничные.

МАРИ. Это ужасно. А вы заметили, что парижское общество отличается от лондонского? В Париже высшее общество редко принимает в свою среду посторонних. Поли-

тики общаются с политиками, буржуазия держится особняком, писатели водят дружбу с писателями, художники с художниками, а музыканты с музыкантами. В Лондоне границы общества размыты. И есть дома, где за обеденным столом можно одновременно увидеть герцогиню, актрису, художника, члена парламента, адвоката и писателя.

СЕСИЛ. Но портниху вы за этим столом не встретите. Какие-то рамки все-таки есть.

ГЕРБЕРТ. Одно время я думал, что светское общество со временем переместится в Соединенные Штаты. Но этого не случилось. Америка, в сущности, плебейская страна. Чем больше я узнаю американскую цивилизацию, тем больше я ее презираю. В ней угроза для спокойствия мира и будущего нашей планеты. Если она восторжествует, то старые цивилизации с их любовью к красоте, миру, искусству, титулам и привилегиям просто исчезнут. Вы не представляете, какой со мной был случай, когда я в прошлом году был в Соединенных Штатах, где встречался с Рузвельтом.

ОЛИВИЯ. И какой же?

ГЕРБЕРТ. Я сел в такси в Нью-Йорке, и таксист меня спрашивает: «Куда поедем, братан?» Меня, известного на весь мир писателя, рупор эпохи! И это там в порядке вещей. Никакого уважения к титулам.

УИЛЬЯМ. Я думаю, что сейчас высшее общество переехало сюда, на Ривьеру. Ницца, Монте-Карло. Многие мои знакомые купили здесь себе дома. Разумеется, здесь тоже

пестрое общество. Но можно общаться не со всеми, по своему выбору. Ведь гостям тоже приятно общаться с людьми, с которыми можно говорить на одном языке.

ОЛИВИЯ. Мистер Моэм, мы вот сегодня играли в теннис и поспорили, какие любовники лучше? Англичане или французы?

МАНУЭЛЬ. Лучшие любовники – это аргентинцы.

СЕСИЛ. Вас, Мануэль, послушаешь, так лучше аргентинских мужчин вообще никого нет.

МАНУЭЛЬ. Так и есть. Мы же говорим о танцорах и любовниках. А не о бизнесменах и политиках.

ДЖЕРАЛЬД. Лучшие бизнесмены – это американцы. Тут сомнений быть не может.

МАРИ. Мы говорим о любовниках, а не о бизнесменах. Не отклоняйтесь от темы.

Появляется Эрнест. Он ставит тарелки с сыром и сладостями. Наливает всем еще вина.

ОЛИВИЯ. Вот мне кажется, что для англичан важнее лицо женщины, а для французов – фигура. И еще мне кажется, что англичане не умеют обходиться с женщиной, они слишком робеют. И ухаживать они не умеют, и комплименты говорить.

МАРИ. А мне кажется, что англичане сентиментальны и эмоциональны. Хотя и склонны к нравоучению. А вот фран-

цузы отличаются сочетанием педантизма с легкомыслием. Француз – это такой романтический зануда, поэт-бухгалтер, транжир с практической сметкой.

УИЛЬЯМ. Я думаю, что англичане не поклонники любви. Любовь у них скорее сентиментальная, чем страстная. Они, разумеется, достаточно сексуальны для продолжения рода, но не могут побороть в себе инстинктивное отвращение к половому акту. В любви они более склонны видеть привязанность, чем страсть. Откровенное проявление любви они встречают либо гримасой, либо смехом. В общем, для англичан любовь – это скучное и второстепенное дело.

СЕСИЛ. Совершенно с вами согласен, мистер Моэм. Всепоглощающая любовь кажется англичанам недостойной. Во Франции к человеку, загубившему свою жизнь из-за женщины, относились бы с сочувствием и даже с восхищением. В Англии же его бы сочли последним болваном.

ГЕРБЕРТ. Потому что у нас, англичан, много других увлечений. Политика, гольф, виски, скачки, футбол и много всего другого.

МАРИ. Ну вы сравнили – любовь с гольфом!

ДЖЕРАЛЬД. Так, чувствую, пора выпить. Предлагаю до дна.

МАНУЭЛЬ. Вам, Джеральд, уже хватит.

МАРИ. Для молодого человека лучшее воспитание – стать любовником женщины известного возраста и круга, светской женщины.

УИЛЬЯМ. Юные мужчины, попавшие в объятия к возрастным любовницам, выходят от них весьма потрепанными. Они быстро усваивают от своих учителей цинизм, который иначе пришел бы к ним гораздо позже.

ГЕРБЕРТ. Лучшие любовники – это итальянцы. Они всегда слушают свою маму. Хотя они те еще бездельники, живущие на дивиденды от своего великого прошлого.

МАРИ. Мне кажется, что у нас любви придают слишком большое значение, как будто это величайшая ценность в жизни. Вокруг любви поднимается много ненужного шума.

ОЛИВИЯ. И все же, какое странное, удивительное ощущение испытываешь от сознания того, что тебя любят. И какой властью обладает женщина, в которую страстно влюблен мужчина. Это так прекрасно. Чувство, что ты живешь, в сто раз напряженнее, чем обычно.

МАРИ. Любовь – это боль и мука, стыд и восторг, рай и ад, свобода и рабство, умиротворение и тревога. А вы знаете, что древние греки насчитывали семь ипостасей любви? Эрос – пылкая и страстная любовь; людус – любовь-состяжание, любовь-игра; сторге – любовь-дружба; филия – платоническая любовь, духовная близость; мания – любовь-безумие, одержимость; агапе – возвышенная, жертвенная любовь; прагма – любовь по расчету.

ДЖЕРАЛЬД. Мне нравится прагма. Любовь по расчету.

ОЛИВИЯ. Нет-нет, только эрос и мания.

УИЛЬЯМ. Что бы там ни говорили о любви, все женщи-

ны помешаны на замужестве. Им не мужчина нужен, а брак. Это у них какая-то мания. А если они уже обвенчались, то женщины абсолютно счастливы.

СЕСИЛ. Главное, чтобы не было слишком большого контраста между посредственностью мужа и ярким талантом любовника.

ГЕРБЕРТ. Я знал одного господина, который, как только замечал в ясных глазах женщины тень брака, обычно говорил ей, что память о его единственной большой любви не позволяет ему вступать в новые отношения и связывать себя брачными узами.

МАНУЭЛЬ. Надо взять на заметку.

МАРИ. Стремление к браку у женщины – это нормально. Это от природы. У мужчин всё наоборот. Ведь когда встречаются две женщины, первый вопрос будет: «Как дела? Замужем?» А когда встречаются мужчины: «Как дела? Как бизнес?» Только выходить замуж за человека не своего круга – это несомненная ошибка. Любовь любит равных.

УИЛЬЯМ. Самый лучший брак – это брак по расчету. При таком браке вы не рассчитываете на многое и поэтому вряд ли будете сильно разочарованы. Нет причин для раздражения и злости. К недостаткам партнера вы относитесь более терпимо. Страсть не самая крепкая основа для брака. Главное – уважать друг друга, иметь общие интересы, взгляды и, я тут согласен с Мари, одинаковое положение в обществе. Такой союз может быть вполне успешен.

ОЛИВИЯ. Я думаю, что назначение женщины – быть хозяйкой в собственном доме, иметь детей, любить и заботиться о муже и детях. Что бы там ни говорили, для женщины нет лучше «профессии», чем замужество.

МАРИ. Замужество, пусть даже не всегда удачное, всё же лучше, чем одиночество.

СЕСИЛ. Женщины слишком капризны и причудливы. Им трудно угодить.

МАРИ. Ну, мой дорогой Сесил, женские капризы и причуды придают женщинам прелесть и шарм.

ОЛИВИЯ. Я вот только одного не понимаю. Почему всегда предложение вступить в брак должен делать мужчина, а не женщина. Браков тогда было бы значительно больше.

МАРИ. Ну знаете, милочка, это уж слишком. Порядочная женщина единственно что может в этой ситуации – показать мужчине, что он ей не безразличен, а дальше уже всё зависит от него.

МАНУЭЛЬ. И как это женщина покажет?

МАРИ. Вы еще молоды, Мануэль, и плохо разбираетесь в женщинах. У женщины есть тысяча приемов, как это сделать. Один поворот головы и изгиб губ чего стоит.

ДЖЕРАЛЬД. Предлагаю выпить за поворот головы и изгиб губ.

Все смеются, чокаются и пьют шампанское.

ОЛИВИЯ. А вы слышали, что Барбара Бэк выходит замуж за какого-то графа? Не помню сейчас его фамилию.

ГЕРБЕРТ. А она красива, но красотой зрелой женщины.

ОЛИВИЯ. Вся ее жизнь сводится к неустанным стараниям удержать остатки былой красоты. К тому же она скверная женщина, пьет без просыху, путается со всякими подонками. Проститутка.

УИЛЬЯМ. Ну, это еще не значит, что она скверная. Сколько угодно весьма почтенных граждан и напиваются часто, и развратничают. Это дурные привычки. Скверный человек – это тот, который лжет и мошенничает.

ГЕРБЕРТ. Кстати, из проституток получаются неплохие жены. Мало того что они вам безмерно благодарны, что вы их, так сказать, вытащили со «дна общества», они наверняка, исходя из своего опыта, знают всякие приемчики, как ублажить любимого мужа.

МАРИ. А я знала одну проститутку, которая стала художником.

ДЖЕРАЛЬД. Я смотрю, что тема проституток у нас сегодня весьма актуальна.

МАНУЭЛЬ (*Джеральду*). У вас неоценимый дар вносить оживление в любое общество.

ОЛИВИЯ. Расскажите про художницу.

МАРИ. Назовем ее Мэри. Мэри была близка к искусству и вечерами сидела в кафе и общалась с художниками. За некоторое время она приобрела известное положение в их

обществе. Мэри всегда жила с кем-то из художников. При этом у нее всегда была причина ухода от одного художника к другому. Этот не движется вперед, этот плохо рисует, у этого нет таланта и так далее.

УИЛЬЯМ. Надо признать, что причины ухода весьма серьезные.

МАРИ. Потом Мэри связалась с одним бизнесменом, который перепродавал картины, и она консультировала его так профессионально и с таким знанием дела, что он очень преуспел и разбогател. После этого бизнесмен купил в Париже себе квартиру, где Мэри стала постоянно жить, а он навещал ее пару раз в неделю. И она от нечего делать сама стала рисовать. И представьте себе, недавно две ее картины купили на последнем Парижском салоне.

ГЕРБЕРТ. Блистательная карьера. Вот что значит страсть к искусству.

МАНУЭЛЬ. А я за свою жизнь так и не нашел занятия, которому мог бы отдаваться с такой же страстью, как танго.

ОЛИВИЯ. Ну, танго – это тоже неплохо. Потом еще чем-нибудь увлечетесь. Будете великим теннисистом.

ДЖЕРАЛЬД. Женщины все одинаковы. Они обожают талант, деньги и нахалов. Мне кажется, им льстит, когда на них смотрят с одной мыслью, как бы побыстрее повалить их на кровать.

МАРИ. Не судите по себе, Джеральд. Женщины, прежде всего, любят умных мужчин и не прощают равнодушия к се-

бе. Трагедия любви в равнодушии. А главное качество мужчины – это надежность.

УИЛЬЯМ. Сесил, вы, кажется, что-то пытаетесь писать. Есть идеи?

СЕСИЛ. Идей пока нет. Есть желание. Пока пишу свой дневник.

УИЛЬЯМ. Я вам дам совет. Не дружите с писателями. Они будут вам завидовать и красть ваши идеи. Общайтесь больше с рыбаками, фермерами, рабочими, продавцами, со шлюхами, наконец. У вас будет куда больше впечатлений.

ДЖЕРАЛЬД. Ну куда же мы без шлюх.

УИЛЬЯМ. И путешествуйте. Вот откуда берите сюжеты для творчества. Напишите, например, роман об адмирале Нельсоне. Это известная в Англии личность, и погиб он геройски.

ГЕРБЕРТ. Создается впечатление, что Нельсон намеренно решил умереть в момент своего триумфа при Трафальгаре. По гинее за штуку адмирал купил четыре крупные серебряные звезды и велел пришить их к своему мундиру рядом с блестящим неаполитанским орденом Святого Фердинанда. После чего встал посреди палубы судна Виктория и стоял так до тех пор, пока какой-то французский снайпер не подстрелил его с тридцати метров. Бессмертие Нельсону было обеспечено. Во время обратного плавания от мыса Трафальгар тело адмирала сохранили, погрузив в бочку с бренди. Ходили слухи, что моряки этого судна так хотели выпить, что по

пути домой периодически прикладывались к содержимому бочки, тайком посасывая бренди через макароны.

УИЛЬЯМ. Ничего подобного. Бочку держали под вооруженной охраной, и, по свидетельству очевидцев, когда по прибытии в Портсмут ее вскрыли, бочка была практически заполнена до краев.

ГЕРБЕРТ. А как-же это выражение в британском вэ-эм-эф до сих пор? Если нужно выпить глоток рома тайком от начальства, моряки обычно говорят «пойти приложиться к Адмиралу».

УИЛЬЯМ. Я думаю, что эта история с бочкой больше легенда. Но то, что адмирал Нельсон был сомнительной личностью, это точно.

СЕСИЛ. Это почему же? В нашем понимании он герой Британии.

УИЛЬЯМ. Вы знаете, что Нельсон не был слепым на левый глаз? Его правый глаз действительно был немного поврежден при осаде Кальви на Корсике. От ядра в глаз попали песок и щепки, но глаз по-прежнему выглядел нормальным, притом настолько нормальным, что Нельсону с большим трудом удалось убедить королеву в своем праве на пенсию по инвалидности.

СЕСИЛ. А как же его глазная повязка?

УИЛЬЯМ. Специальный наглазник, вделанный в шляпу, прикрывал его здоровый левый глаз от солнечных лучей. Вы не найдете ни одного портрета тех лет, где Нельсон был бы

с повязкой. И колонна на Трафальгарской площади изображает великого адмирала без всякой повязки. Черную повязку стали пририсовывать лишь значительно позже его смерти, так сказать, для придания большего пафоса его портретам. Безусловно, Нельсон был харизматичным и смелым человеком, но одновременно он был очень тщеславен и плутоват.

ГЕРБЕРТ. Насколько я знаю, вопреки всеобщей скорби на его похоронах не были восемнадцать адмиралов британского флота. Его не любили. Вот видите, Сесил, вам отличный сюжет для романа.

За столом возникла небольшая пауза.

УИЛЬЯМ (*Оливии*). Оливия, вы же певица. Спойте нам что-нибудь.

ОЛИВИЯ. Но здесь нет рояля.

УИЛЬЯМ. Ничего страшного, вы пойте а капелла. Без музыки. А Джеральд вам посвистит. Да, дорогой?

ДЖЕРАЛЬД. Конечно. Я готов.

ОЛИВИЯ (*смищенно, кокетливо*). Ну хорошо. Я спою вам песню «Ай лукт ин йо айз». Эта песня вошла в десятку лучших в Америке в прошлом году.

Оливия поет «I looked in your eyes», которую пел в Америке Christopher Wham. Джеральд ей подсвистывает. Получается очень здорово. После первого куплета они оба немного

пританцовывают четку в такт песне. После исполнения песни все гости хлопают.

УИЛЬЯМ. Замечательно, прелестно. Да, музыка – самое романтическое из всех искусств, потому что имеет своим предметом только бесконечное.

МАРИ. А можно я прочту свое стихотворение?

ВСЕ ГОСТИ. Конечно, просим!

МАРИ. Стихотворение называется «Успокоительное».

Не просто печальная, а скорбящая,
Не просто скорбящая, а несчастная,
Не просто несчастная, а страдающая,
Не просто страдающая, а покинутая,
Не просто покинутая, а сирая,
Не просто сирая, а изгнанная,
Не просто изгнанная, а мертвая,
Не просто мертвая, а забытая.

УИЛЬЯМ (*хлопая.*) Очень грустно. Я бы закончил: «Не просто забытая, а живая». (*Обводит стол взглядом, смотрит на всех гостей влюбленными глазами.*) Друзья мои. Вы такие все красивые, такие талантливые, и с вами так хорошо. Я хочу запомнить этот вечер. Главное, к чему я стремился в жизни, – это обрести свободу, духовную и физическую, свободу жить и писать так, как хочу. В моей жизни писатель-

ство, не исключая других форм деятельности, играло самую существенную роль. Я пишу о трагикомедии жизни, и часто вещи нелестные, малоприятные и даже оскорбительные. Я постоянно нарушаю требования эстетики, что прилично, а что нет, что добро, а что зло. За первые десять лет литературных трудов мне никогда не платили более пятисот фунтов в год. Это была постоянная борьба с бедностью. Мои книги исправно выходили из печати, но я с трудом сводил концы с концами. Но если вы хотите чего-нибудь добиться, у вас должно хватить мужества и на неудачи. Творческие люди ранимы, они плохо держат удар. Но воле нужны препятствия, чтобы сохранить силу. Когда никто не идет наперекор, когда нет никакого напряжения, воля становится дряблой. Когда мне было тридцать, критики отмечали, что я груб. Когда сорок – дерзок, после сорока – циник, после пятидесяти – что я в целом сведущ в своем деле, а когда мне перевалило за шестьдесят – критики стали называть меня поверхностным писателем. Но я всегда шел своим путем. Писатель не должен ждать вдохновения или настроения. Иначе придется ждать очень долго. Писатель сам создает нужное настроение. У меня больше силы характера, чем ума. Я не родился писателем. Я им стал. Нельзя достигнуть мастерства без упорной работы. Я всё время развивал свою личность. В искусстве нельзя добиться совершенства без терпения, усердия, трудолюбия и дисциплины. Ставьте цели, но не привязывайтесь к ним. Из активных и умных побеждают активные, а среди активных –

самые умные. Будьте независимы и давайте полную свободу своему творчеству. И не гонитесь за успехами. Единственное прибежище писателя – это находить удовлетворение в собственном труде. И если он почувствовал, что ему удалось удовлетворить свое собственное эстетическое чувство, тогда всё остальное ему безразлично. А теперь – танцы! Мануэль, начинайте.

Играет прекрасная мелодия танго. Мануэль приглашает на танец Мари, а Сесил танцует с Оливией, Герберт машет руками, отказываясь танцевать, Джеральд смотрит внимательно на Уильяма, потом встает и приглашает его на танец. Уильям идет с ним танцевать. Все счастливы.

Входит Эрнест.

ЭРНЕСТ (*Обращается к УИЛЬЯМУ*). Приехала Ваша бывшая супруга, сэр. Она просила передать, что любит Вас и хочет опять быть вместе с Вами.

Все танцующие на несколько секунд остановились, но потом опять продолжили танцевать танго.

Занавес. Конец пьесы.